

Анатолий Гордиенко
**ЗДЕСЬ МОЙ
ДОМ**

Annotation

«Повесть рассказывает о судьбе знатного лесозаготовителя республики кавалера ордена Ленина Э. В. Туоми, финна, приехавшего из Канады в 30-е годы и нашедшего здесь свою настоящую Родину. Герой повести участвовал в сооружении памятника В. И. Ленину в г. Петрозаводске в 1933 году.»

- [Анатолий Гордиенко](#)
 -
 - [Об издании](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Анатолий Гордиенко
Здесь мой дом

Анатолий Гордиенко
ЗДЕСЬ МОЙ
ДОМ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

ПЕТРОЗАВОДСК «КАРЕЛИЯ»
1983

Высотный дом, в котором живет Эйно Туоми, стоит недалеко от железной дороги. И так уж повелось с тех пор, как переселился он из Матросов к средней дочери в Петрозаводск, что будильником для него стал утренний ленинградский поезд.

Просыпается Эйно сразу — сон стариковский легкий, а вот встает с трудом — болят колени, суставы рук. А кого из старых лесорубов обошла эта хворь?

Эйно медленно выходит на балкон, следит, как скрывается за поворотом хвост поезда, затем смотрит на озеро. Черным жуком ползет вдалеке ледокол. Навигация начинается. Скоро поплывут по Онего белоснежные туристские теплоходы. Эйно вдруг подумал о дочери Сейди. Она работает в Интуристе и должна встречать сегодня туристскую группу из Финляндии. Не проспала ли? Он знает, что этого никогда с ней не случается, и все же... Эйно входит в гостиную, тихонько заглядывает в спальню. Кровать Сейди аккуратно застелена, рядом в своей кроватке безмятежно спит внучка. Он глядит на ее бледное личико и думает о том, что надо бы летом Ингу отправить в Матросы, пусть поживет у Вивьен, попьет парного молока, побегает босиком по травке, пособирает грибов, черники. Черника с молоком — лучшее средство от всяких малокровий. Хорошо бы ей пожить пару недель и у Эдны в Шуе, позаниматься на фортепиано. Эдну хвалят за умелое преподавание музыки в школе, а она отшучивается: скажите спасибо папе, это наследственное...

Скоро Инга проснется и они будут завтракать. Когда приходят родственники или знакомые, они подшучивают над Эйно, называют его хозяйшкой, шеф-поварихой. Готовить он научился еще с малых лет, потом и жена передала ему свое искусство — а она была поваром настоящим, умелым. И вот ее уже нет, осиротел Эйно. Теперь все свое тепло и нежность отдает внучке.

— Укки^[1], знаешь какой мне снился сон? — кричит Инга из спальни.

Ей снятся цветные сны. Красные стрекозы, голубые бабочки, серебристые рыбки, а утром — золотистый веселый щенок.

— Укки, а тебе что-нибудь снилось?

Но сны теперь редко приходят к Эйно, а если и приходят, так все о прошлом, о молодости.

Инга, причесанная, улыбочивая, сидит за столом, с охотой ест кашу, сваренную дедушкой, а за окном курлычут, постанывают весенние голуби.

— Укки, а что тебе все же снилось?

— Дай вспомню. Сон улетает, если его сразу не привязать, не запомнить... Снилось мне зеленая равнина у Скалистых гор. И еду я на фермерском тракторе вместе с отцом, с твоим прадедом Вилхо, а за нами над черной жирной землей вьются какие-то серые птицы, и клювы у них словно железные...

Инга тихонько отодвигает чашку с кофе и слушает. Нет, такой сон ему сегодня не являлся. Просто Эйно вспомнил старый, давний сон. А память у него крепкая, да и рассказчик он хороший — у него зоркий глаз, меткое слово.

— Дедушка, а может, эти птицы — военные ракеты? Помнишь, ты мне читал газету, и там было написано, что в Альберте американцы хотят испытывать свои крылатые ракеты. И канадцы соглашаются, помнишь?

— Пора в школу, Инга. После договорим, когда вернешься с пятеркой.

— И будем вспоминать, как всегда, укки?

— Будем, будем, девочка.

— А когда ты придешь к нам в класс? Ты ведь обещал.

— Я так плохо говорю по-русски. Я вечно путаю, и когда надо сказать «он», обязательно скажу «она». Вам

будет весело от моего рассказа, а я хочу, чтобы вы были серьезными.

— Тебя все наши девочки знают и любят. А мальчишки, когда увидят твой орден, сразу примолкнут. Помни: ты обещал.

— Ну что ж, слово я всегда держал. Держал всю жизнь.

...Всю жизнь, всю свою большую нелегкую жизнь, которая уже давно повернула на восьмой десяток.

I

И дед, и отец Эйно Туоми были батраками. Жили они в поселке Кангасала, недалеко от Тампере. Вилхо — отец Эйно — нанимался к богатым с ранних лет: за лошадьми ходил, навоз чистил, подросток — товар господский возил. Однажды услышал, что есть за горами, за морями богатая и процветающая страна — Америка. А вскоре в их местах появились и американцы-вербовщики — начали зазывать работающих, малословных финнов на чужбину. Первым из поселка уехал в Америку дальний родственник Вилхо, писал, что жизнь там не хуже, чем дома, погода теплая — полушубка не надо. Вилхо думал, думал, и только исполнилось ему девятнадцать годков — решился. Родственник прислал денег на дорогу, и понесло парня, закружило в вихре скитаний.

Шел 1899 год. Из Англии пароходом доплыли до Нью-Йорка. На острове Эллис прошли карантин. Тут сразу же стали липнуть к ним верткие людишки — агенты, ощупывали каждого цепким взглядом, прикидывали: кого на металлургический завод, кого на шахту... Вилхо был коренастым, широкоплечим, и его уговорили поехать в штат Мичиган на новую шахту. Сулили золотые горы.

— Финны хорошо держат топор, — сказал ему мастер на шахте, — будешь ставить крепления в забое, пропс. А подучишься — новое дело доверим, денежное.

...Доверили новое дело лишь через три года, перевели сообразительного, выносливого Вилхо бурильщиком. Сверлил шпуры, закладывал взрывчатку, взрывал десятки тонн руды за смену, а денег платили по-прежнему мало. Нашлись добрые люди, стали растолковывать Вилхо, что хозяева фирмы в свой карман кладут его денежки. Пользуются тем, что на шахте одни чужеземцы беспаспортные. Кто за них вступится? И вправду, в одной смене финны работают, в другой — итальянцы, в третьей — шведы и норвежцы. Разъединили, размежевали, дабы не было контактов, разговоров. А поговорить рабочим было о чем. Леса на рудстойку давали мало, и все чаще в новой, так называемой самой современной, шахте случались обвалы. Хорошо, если сразу насмерть, а ежели инвалид, калека? Выбросят за ворота — и ни цента пенсии. Вилхо не один раз видел, как несли завернутых в простыни раздавленных мертвых шахтеров.

— Пропс стоит больших денег! — прокричал однажды босс шахтерам, собравшимся на тесном подворье. — Наша фирма несет большие убытки, но я, лично заботящийся о вас и днем и ночью, сейчас хочу сказать другое. Итальянцы и шведы молчат, а вот среди вас, финнов, завелась паршивая овца. Кто вас собрал сюда, кто уговорил вас не спускаться в шахту? Кто мутит воду, кому захотелось профсоюзов? Запомните — бунтарей мы вышвырнем вон! Америке нужны добропорядочные работники!

И все же, невзирая на угрозы, Вилхо вступил в профсоюз, стал его активистом и вскоре... очутился за воротами. Десять лет отдано шахте, десять лет каторжного труда, и вот — благодарность. Более того,

Вилхо Туоми был занесен в черный список, поэтому и на других шахтах ему места не нашлось.

В 1909 году с молодой женой и трехлетним сыном Эйно приехал Вилхо в Канаду, в провинцию Альберта. Устроился на угольную шахту, но работа была сезонной, лишь зимой — летом пришлось наниматься к фермеру.

Помнит ли Эйно Америку? Какие-то отдельные застывшие кадры, как старые мятые фотографии. Лицо отца пугающе красное, ржавое. Позже Эйно узнал — это была железистая пыль. Городок, где они жили, назывался Айронвуд. «На земле лес, под лесом железо», — горько шутили шахтеры. Лес нещадно вырубали для шахт на пропс, весной смерч вертел над пустырями столбы оранжевой пыли.

Запомнилась сгорбленная мать, стирающая белье. Пена ползла из корыта. Эйно ловил ее руками, а пузыри лопались. Но не беда: завтра повторялось все то же — мать стирала чужое исподнее, простыни. Брала огромные узлы за горсть медяков у местных конторщиков.

...Провинция Альберта просыпалась от вековой спячки. Быстро росли шахты, гудели лесопилки.

За умеренную плату можно было купить небольшой участок целины. Вилхо надумал осесть в хуторе недалеко от города Эдмонта. Два года вырубал кусты, корчевал пни, жег мелколесье, но земля была бедной — урожая еле хватало на прокорм семьи, а уж о том, чтобы продать что-то от трудов своих, не было и речи.

Эйно подрастал, нянчил младших брата и сестренку, летом помогал отцу в поле. Научился запрягать лошадь, вечерами пас ее вдалеке от дома, почти рядом с синими таинственными Скалистыми горами.

Осенью мать впервые отвела Эйно в сельскую школу. Преподавание велось на английском языке, чужом, трудном. Был у него дружок Паули, тоже из бедной финской семьи. В классе только они двое финны, а

разговаривать по-фински в школе запрещалось строго-настрого. Но они на переменках забирались в темные углы и шептались. Однажды учительница нашла мальчиков и долго стыдила их перед всем классом. Все переменки она продержала их за партой и, оставив после уроков, заставила написать в тетрадке на английском языке сто раз: «В школе я никогда не буду говорить по-фински». Это был первый урок, преподанный Эйно неласковой мачехой Канадой.

Летом во время каникул сверстники, смастерив деревянные мечи и украсившись разноцветными петушиными перьями, играли в индейцев, а грустный Эйно нанимался на работу к фермерам. Только для того, чтобы купить книги, пенал, карандаши, тетрадки, ему приходилось трудиться больше двух месяцев.

Отец Эйно все не унимался, искал справедливости. Вилхо Туоми участвовал в марксистском кружке, читал марксистскую литературу, распространял газету «Тюёмиэс» («Рабочий»), выходящую на финском языке в США. Вскоре стал одним из организаторов местной ячейки социалистической партии, в которую вошли жившие здесь финны.

Однажды отец взял Эйно на летний праздник социалистов. Все было торжественно и красиво. Ораторы, широко размахивая крепкими натруженными руками, произносили громко речи, провозглашали лозунги, значения которых Эйно еще не понимал.

— Учиться тебе, сынок, надо нашей грамоте, — говорил весело отец.

Зимой отец привез с рудника газету левых сил «Вапаус» («Свобода»), издававшуюся для канадских финнов. Вечерами они сидели подолгу голова к голове, отец и сын, рассуждали, мечтали. В их доме все чаще и чаще собирались шахтеры, батраки. Вот тогда Эйно и услышал впервые имя — Ленин.

В выходные дни финны строили себе клуб. Внесли деньги, кто сколько мог, напилили леса, стали ладить сруб. Эмигранты-украинцы уже возводили второй этаж своего клуба. Их было здесь больше, чем финнов, и они с гордостью поглядывали на соседей, кивая на свой дворец.

Открытие клуба стало праздником для всего поселка. С тех пор по воскресеньям тут всегда был народ — разучивали песни, молодые хозяйки учились у старших кулинарному ремеслу, вышиванию, вязанию.

...Как-то субботним вечером в домик Туоми пришел высокий худой человек в потертом военного покроя полушубке. Отрекомендовался соседом (у сестры здесь, мол, недалеко домик, строится еще она), попросился в баню после долгой дороги. Незнакомец парился долго, потом зашел в дом, довольный, повеселевший. Не стал отказываться от угощения, сел сразу за стол, выпил один стаканчик, другой. Хвалил пирожки, испеченные матерью Эйно, пил неторопливо, смакуя, кофе.

— Как там в Финляндии, друг?— спросил отец, когда гость закурил трубку. Мать и Эйно глядели не отрываясь на незнакомца.

— Ну то, что гражданская война у нас закончилась, ты, конечно, знаешь, — сказал, приосанившись, сосед, сразу переходя на дружескую ноту.

— Товарищи мои там полегли в землю, — вздохнул отец.

— И мои тоже. Не просто нам далось все. Мы их стреляли, как зайцев. Приехали мы раз на хутор, зашли к старику, спрашиваем, где его сынок. Молчит. Стали уговаривать, потом пригрозили: не скажешь — крышка. Молчит как немой. Наш майор кивнул мне — выведи, мол. Вывел я деда во двор, говорю: стоит ли, дорогой мой, так упрямиться. Ни слова. Только голову поднял, плюнул в меня и шепнул: не выдам вам сына. Я всю обойму всадил в него, а он стоит. Крепкий был пень.

— А кто сын его? — спросил отец, и Эйно увидел, как заходили у него желваки на побелевших скулах.

— Красный. Главарь во всей округе. Ну, майор говорит мне: молодец, Тойво, поехали в соседнее село, там еще пятерых надо отправить к богу в рай. Но тех я уже не стрелял, а ловил. Интересно ловить, будто зайцы бегают. Одним словом...

Отец грохнул кулаком по столу так, что опрокинулся кофейник.

— Вон из моего дома, лахтарь^[2]! Забудь сюда дорогу! С кровавыми руками к честным людям! Вон, собака!

...Новый год отмечали в клубе. Эйно с друзьями развесил в танцевальном зале флажки, протянул ленточки, серпантин. Вечером в разгар веселья в холл вошел тот самый лахтарь — в черном костюме, галстук бабочкой, сам навеселе. Эйно видел, как отец мигом собрал своих друзей, активистов.

— Вот это, ребята, тот самый враг, убийца наших товарищей. Пошлем же ему по нашей новогодней почте душевные поздравления.

Через пять минут розовощекая веселая девушка с почтовой сумкой на боку, мило улыбаясь, вручила новичку более десяти конвертов. И в каждом было одно: «Ляхтарь, тебе не место среди честных финнов...» Ляхтарь вынужден был уехать в Эдмонтон, но и там не задержался — укатил в Соединенные Штаты, в Нью-Йорк. И вскоре туда, в финскую общину, пошли письма, предостерегающие, что в ряды рабочего движения может втереться этот подлый человек.

...Эйно был старательным учеником, хотя не раз задумывался, где могут пригодиться его знания. Фермеры искали дешевую рабочую силу, и им не нужны были грамотные ребята, поэтому когда Эйно окончил среднюю школу, работы для него не было. Наконец, после долгих хождений, повезло — его взяли подручным

кладовщика на железную дорогу. Потом Эйно возил на лошади со станции кирпич, доски. Денег платили мало, хорошо, что родители кормили.

И вдруг снова везение. В Эдмонтоне местное отделение тракторной фирмы за небольшую плату организовало краткосрочные курсы трактористов.

С большим интересом принялся Эйно за учебу, хорошо показал себя на практике, и его порекомендовали богатому фермеру норвежцу Элефсону, имевшему, правда, дурную славу акулы, разорившей и проглотившей не одного мелкого хозяина.

— Закон джунглей, коллега, — улыбался он Эйно золотыми зубами невинно и чисто, — сам таким скоро станешь. Ты парень с головой, помянешь не раз мое слово...

Эйно весной пахал без выходных, летом убирал хлеб, осенью снова размеренно рокотал его трактор на поле, снова плуг переворачивал землю. С наступлением первых морозов Элефсон развел руками — работы больше нет, можешь идти на все четыре стороны. Тем более работы не было для Эйно, который, как поговаривали, стал настоящим красным.

В 1921 году в Канаде была основана коммунистическая партия, и Вилхо Туоми вступил в ее ряды. А Эйно в памятном 1924 году стал комсомольцем — членом союза юных коммунистов Канады. С трепетом принял он в руки красную книжечку с тисненым портретом Ленина — вождя мирового пролетариата.

Первое поручение было для Эйно настоящим экзаменом на политическую зрелость — ему доверили сделать доклад в клубе поселка в первую годовщину со дня смерти Ильича.

Комсомольцы развесили объявления в окрестных хуторах, девушки сшили черно-красные ленты, убрали ими сцену, перед портретом Ленина поставили цветы. Людей собралось много — канадцы, финны, украинцы,

шведы. Свой доклад о жизни Ленина, о его учении Эйно подготовил на английском языке. Невысокий, худой, в черном великоватом отцовском костюме, он робко поднялся на сцену.

— Спокойнее, Эйно, увереннее, — напутствовал его член ЦК Компартии Канады Амос Хилл, приехавший из Эдмонтона.

Доклад Эйно выучил слово в слово. Но первые фразы застревали в горле, мысли путались. Эйно боялся притихшего зала, многих людей он не знал, не знал тех, кто стоял у стен, у входа — свободных мест не было. Но скоро он справился с волнением, и все пошло нормально.

Доклад понравился. Люди внимали каждому слову, а в конце долго аплодировали смущенному парню.

С этого дня у Эйно Туоми началась новая жизнь. Днем — работа, вечерами — собрания, концерты самодеятельности, занятия в политическом кружке, обсуждение статей в газете компартии «Рабочий».

В ноябре 1931 года начались парламентские выборы. Левые силы провинции Альберта выдвинули своим кандидатом мелкого фермера коммуниста Карла Аксолсона. Вместе с другими активистами Эйно был привлечен к выборной кампании. Для того чтобы кандидат мог зарегистрироваться, нужно было иметь ручательство пятидесяти фермеров с их подписями, а также заплатить 500 долларов. Сбором подписей и денег и занимался Эйно с друзьями...

В ходе выборов Аксолсон получил четыре тысячи голосов. И пусть он не стал членом парламента, но все увидели, что левые силы имеют в провинции большой вес.

Агитация юных коммунистов за Аксолсона, вся выборная работа были серьезным и даже опасным делом (Эйно это знал), ибо совсем недавно Компартия Канады была объявлена вне закона и семь членов ЦК, в том числе близкий Эйно человек, добрый, чуткий Амос

Тобиас Хилл, были упрятаны в тюрьму. Среди этих семи был и приятель отца украинец Бойчук.

В те годы в Канаде была создана организация под названием «Техническая помощь Советской Карелии». Эйно мало что знал тогда о Карелии. На выручку, как всегда, пришли родители. Длинными зимними вечерами отец рассказывал сыну о Севере, о песнях, записанных знаменитым Лённротом, читал руны «Калевалы», а мама пела карельские и финские песни. Эйно разворачивал карту, вглядывался в очертания далекого края, закрывал глаза и воображал, будто он плывет в лодке по быстрой реке, перебирая струны таинственного инструмента с прекрасным названием кантеле. Эйно вдруг захватила народная музыка. Он стал торопливо изучать ноты, но как сделать самому кантеле, как оно устроено, ни отец, ни его земляки-шахтеры не помнили.

Дождливой осенью в вечерних сумерках Эйно ставил капканы у реки, ловил ондатр. Зимой сдал шкурки и на вырученные 10 долларов купил скрипку. Играть учился сам — денег на репетитора не было. Сначала ничего не получалось. Мать посмеивалась — всех мышей распугал, телята в сарае беснуются от такой музыки. Скрипка проявляла характер, но и Эйно показал упорство. Через год он наконец сыграл друзьям отца финскую народную песню «Лесные цветы», сыграл чисто, без запинок. Шахтерам понравилось, и они дружно решили: теперь Эйно может выступать перед людьми, скажем, играть в клубном оркестре, если возьмут.

В оркестр взяли через полгода. Первый настоящий концерт, на котором выступил Эйно, был организован обществом «Техническая помощь Советской Карелии». Весь сбор от него шел в фонд помощи Карелии. Председатель общества Йоган Латва, приехавший в эти дни в Эдмонтон, где проходили собрание и концерт, крепко пожал руки самодеятельным артистам, похвалил Эйно:

— Молодец, тракторист, что играешь песни наших отцов и дедов. В музыке — душа народа. Песня помогает в беде, с песней вырастают крылья. А теперь, тракторист, о другом. Слышал ли ты, что через нашу организацию трудящиеся Красной Карелии приглашают финнов на работу? Гарантируют твердый заработок, интересное дело. А главное — можно потрудиться на социализм! В первую очередь им нужны токари, механики, строители, трактористы. Что скажешь, парень?

Слова эти запали в душу. Все чаще и чаще думал о них Эйно, потом поделился со своей невестой Айли. Та тоже искала постоянную работу, служила сезонной прачкой, поварихой.

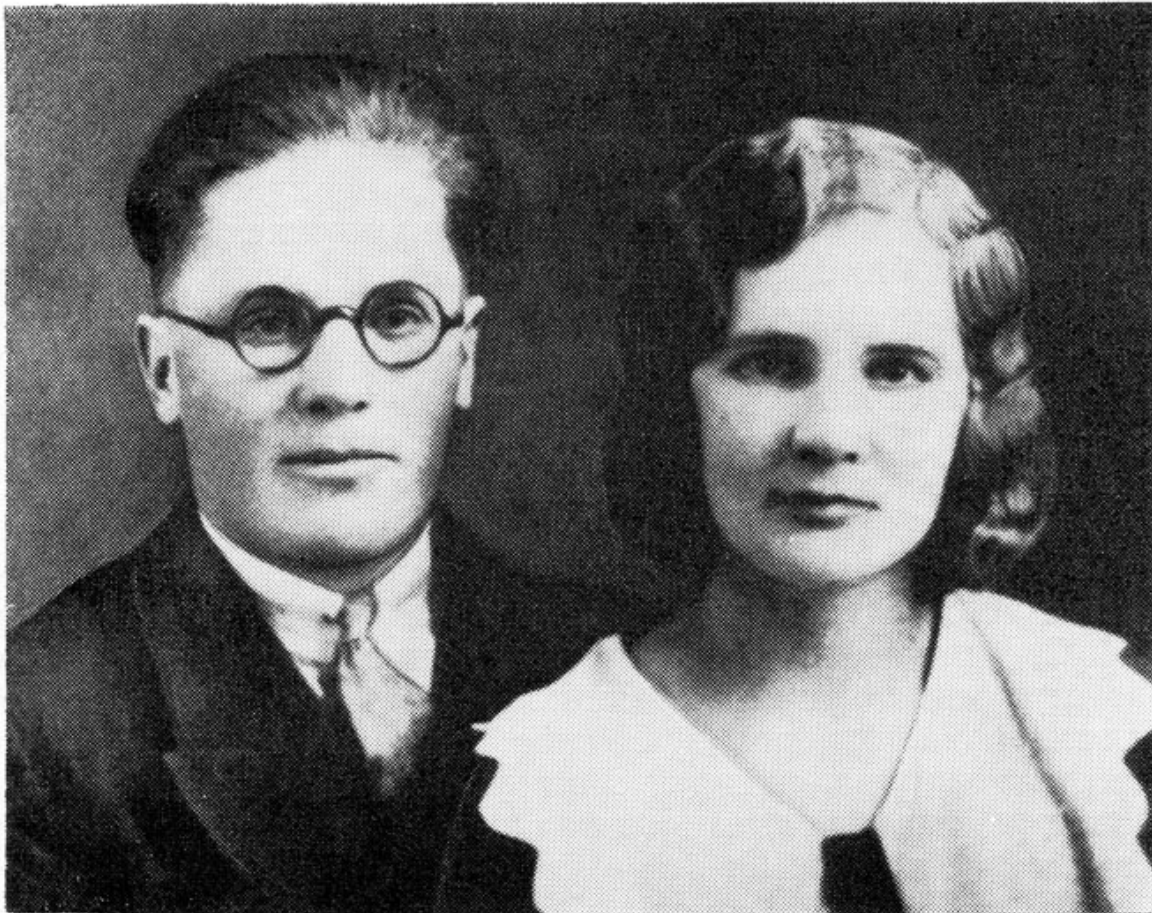
— Пять лет мы с тобой знакомы, любим друг друга, а пожениться не можем — жить негде. Поедем в Карелию, — уговаривал Эйно невесту.

— У меня мама болеет, ты же знаешь. Да и страшно как-то, далеко. Хотя мне очень хочется хоть одним глазком взглянуть, как они там без буржуев жизнь устроили.

Эйно завел разговор об отъезде дома. Отец сразу же одобрил эту идею, обнял сына, а мать — в слезы.

— Едем всего на два года, — утешал ее Эйно. — Не мы одни, многие едут. А что здесь, в Канаде? Кому мы тут нужны? Работы почти нет, завтрашний день как в тумане. Фермер обирает, своего дома нет и не будет. Нам терять нечего, кроме своих цепей! А там! Там люди строят новую, свободную жизнь. Нет ни фермеров, ни кулаков, ни жадных фабрикантов.

Вскоре Эйно и Айли поженились. Пришли друзья отца, товарищи из клубного оркестра, комсомольцы. Бедный был стол, зато весело в тесной комнате.

Эйно и Айли Туоми. 1932 г.

В августе 1932 года пришло разрешение на выезд. Молодые стали собираться в дорогу. Родственники, соседи несли кто что мог: ношенные, но еще крепкие сапоги, заячью шапку, комбинезон, рукавицы, молоток и рубанок — все пригодится в новой жизни. Эйно все свои сбережения отдал на проезд.

В Торонто их группу провожал сам Латва, вернул к большой радости каждого по 10 долларов — удалось приобрести билеты в каюты ниже классом. На эти деньги многие купили слесарные инструменты, наборы гаечных ключей, двуручные американские пилы «кроскот».

Отплывали из Галифакса. И там в порту, за час до посадки, Эйно услышал крики мальчишек-газетчиков:

— Кончина красного фермера!

— Карл Аксолсон покончил жизнь самоубийством!

— Бесславная смерть в петле левого кандидата в парламент!

Эйно схватил газету, стал вчитываться, и газетные строчки поплыли перед глазами. Не верилось, что такое могло случиться! Почему? Он, коммунист, пламенный оратор, любимец рабочих, прошедший сложный путь борьбы в Соединенных Штатах, Канаде. Он, не раз изобличавший политику буржуев, великий оптимист, твердый бескомпромиссный боец, не шедший ни на какие сделки с совестью. Он, верный друг и соратник знаменитого певца американских рабочих Джо Хилла. А как кончил Хилл? Его убили!

Эйно тряс газетой, заикаясь, рассказывал Айли о встречах с Аксолсоном, когда создавалась «Организация друзей Советского Союза» и нужно было доставать книги, фотографии о стране Ленина. (Через много лет, встретившись на курорте в Сочи с канадскими активистами профсоюзного движения, Эйно узнал, что Аксолсон был повешен наемниками капиталистов, но дело это власти замяли.)

...Шведский теплоход «Грипсхолм», держа курс из Америки на Гетеборг, резал длинным носом зеленоватый спокойный океан. На корме, греясь на полуденном солнце, пассажиры вели разговоры, знакомились, пели финские песни, просили Эйно подыграть им на скрипке, но тот ушел в себя, его словно подменили — из головы не выходил веселый, добрый Карл Аксолсон. Словно издали долетали до него обрывки разговора на палубе:

— Нам будут созданы все условия. Как-никак мы специалисты высокой квалификации.

— Мистер, не угодно ли вам коттедж с ванной?

- Да, угодно, и я буду требовать.
- Они ведь только на ноги становятся. Такую войну, голод вынесли. О каких ваннах болтаете?..
- А я скажу: шлите куда нужнее.
- Русский язык, говорят, очень трудный для финна.
- И ничего трудного. Я вот уже полгода учу, хотите, курсы здесь, на корме прямо, устроим?
- Дельно придумано, парень. Мы с женой записываемся...
Записались в кружок и Эйно с Айли.

II

Подплывали к Ленинграду погожим сентябрьским утром. Когда вошли в порт, все столпились на палубе. Вдруг на носу корабля заиграл маленький оркестр. Пела гитара, ухало банджо, выводила мотив скрипка Эйно. Играли недавно сочиненный марш «Свободная Россия». У многих на глазах были слезы.

20 сентября 1932 года прибыли в Петрозаводск. Это была самая многочисленная группа из Канады — 253 человека. Разместили их неподалеку от железнодорожного деревянного вокзала в бараках. Наутро в столовой угостили бесплатным завтраком — картошка с селедкой, соленый огурец, стакан суррогатного кофе с куском серого хлеба. Несколько человек достали свои свертки. Полная дама в черном мужского покроя костюме звучно шлепнула хвостом селедки по тарелке и громко заявила:

- Когда я плыла сюда, я пела «Интернационал», а меня потчуют этой ржавчиной.
- Между прочим, нас могли бы встретить с оркестром!
- Друзья! Вот представитель города, он будет опекать нас. Он говорит, в стране карточная система.

Нам дали завтрак передового рабочего. Он просит проявить пролетарскую сознательность, понимание сегодняшнего момента.

Две семьи уехали назад через два дня, остальные остались.

В Петрозаводске и Кондопоге нужны были строители, многих пригласили на работу лесозаготовительные предприятия. Эйно пожелал работать в лесу, мечтал сесть на трактор. Его направили в Матросский механизированный лесопункт Петрозаводского показательного леспромхоза. Там уже работали многие финны, приехавшие из Канады.

26 сентября Эйно и Айли вышли на работу. Этот день стал памятным еще и потому, что Эйно исполнилось 26 лет. Вечером, когда стемнело, в тесной комнатке барака устроили скромную вечеринку.

— Первый день работы по-новому! — восклицал радостный Эйно. — Первый раз мой труд как маленькая капелька влился в огромное море общего труда. Мое зернышко легло в большие закрома, стало народным. Отныне никто не будет обогащаться за мой счет! Никто!

Проговорили до полуночи. Эйно даже забыл о скрипке, а когда вспомнил, было уже поздно. И все же его упростили сыграть. Сидя на деревянной жесткой кровати, раскачиваясь, тихонько запели «Розу в долине».

— А мне вот что хочется сказать, — заговорил, когда закончили песню, молодой вихрастый паренек Эрнест Хаапаниemi. — Меня не пугают трудности, я даже рад, что придется начинать жизнь с нуля. Зато потом можно будет детям сказать: все это сделано моими руками.

— Верно, — подхватила Айли, — построим поселок, клуб отгрохаем. Вон сколько нас молодых, все по настоящему делу соскучились.

...В Матросах тогда было всего 8 тракторов. Четыре американских «Клетрак-40» — подарок общества

«Техническая помощь Советской Карелии», прекрасный знак международной солидарности рабочих, и четыре трактора «Коммунар-50» — первые советские гусеничные тракторы, подарок рабочих Ленинграда лесозаготовителям Карелии.

Вначале, поскольку трактористов оказалось больше, чем тракторов, Эйно и Айли отправились на лесной участок за десять километров от Матросов. Эйно с другими рабочими стал прорубать трассу для тракторной магистрали, а Айли начала работать поваром в столовой. (Кстати, супругов Туоми поначалу удивляло то, что лесорубов в столовой кормили сытно и вкусно и очень дешево.)

Канадские финны привезли с собой не только слесарные инструменты, длинные пилы да топоры с изогнутым хватистым топорищем, они привезли знания, опыт организации лесозаготовок на промышленной основе. Времена, когда крестьянин-сезонник в одиночку пилил, рубил и на тощей лошаденке вывозил лес, причем только зимой, постепенно уходили в прошлое.

В конторе лесопункта мастера тщательно изучали карты лесных делянок, затем, уже на месте, в лесу, намечали будущую ледяную тракторную магистраль, а также подковообразные зимники, по которым лес будет подвозиться к магистрали.

Опытные механизаторы показывали, как лучше построить тракторные сани из двух сцепов, как устроить в лесу ручной, конный или механизированный деррик — своеобразный кран с лебедкой для погрузки разделанной древесины на тракторные сани.

Эйно завертела быстрина новой жизни, нового интересного дела. Закончили прорубать трассу, и он пошел на лесозаготовки. Бригада, по канадскому методу, состояла из трех человек. Двое валили лес поперечной пилой «кроскот», которой быстро и без особого труда можно было пилить толстые деревья.

Тонкомер валили лучковой. Потом обрубали сучья, хлысты разделявали на сортименты длиной четыре и шесть метров. Третий член бригады лошадью вывозил древесину к магистрали на маленьких санках «юмпари». Санки эти, вырубленные из гнутого комля березы, служили долго. На них имелись поперечина с острыми железными зубьями и цепь, которой в считанные секунды можно было затянуть два-три хороших бревна. Если попадалось тяжелое бревно, то возчик легко ставил «юмпари» на бок и, не поднимая хлыста, притягивал его цепью к перекладине. Сортименты укладывали комлем вперед, а вершинные концы легко скользили по снегу.

Делянка была рассчитана так, чтобы расстояние вывозки до штабеля не превышало двухсот метров.

На бирже Матросского лесопункта

Работали старательно. Правда, поначалу Эйно очень уставал — изматывала пила, ныло плечо от топора, да и по неопытности он делал много лишних шагов по глубокому снегу. Но шло время, и появились навык, расчет. Появилась и слаженность в работе бригады. Меньше стало нравоучительных бесед друг с другом, сократились перекуры.

Сначала за смену втроем заготовливали 20 фестметров, затем 30. А однажды поработали так, что замерыли свой штабель и не поверили самим себе. Позвали мастера, тот подтвердил: есть 42 фестметра^[3].

— Неплохо для начала, — сказал мастер, пожимая каждому руку, — сто тридцать процентов нормы. Но на других участках выработка еще выше. Догоняйте, парни.

После Нового года морозы стояли небольшие, снег умялся, работать стало легче. Перестали болеть руки, уже не ныло плечо. И постепенно каждый день они стали давать по полторы нормы.

Их хвалили, хотя впереди были все же другие. В Матросах широкой известностью пользовались Валде Паюнен, Иван Корхонен, Эрки Койстинен, приехавшие в поселок раньше Туоми и показывавшие высокие результаты труда. Нередко они рассказывали о своих методах работы на собраниях в конторе, на делянках. Когда черед доходил до Эрки, он краснел, запинаясь.

— Лошадь у меня человеческая, — говорил он очень серьезно под дружный смех слушателей. — Она мои слова понимает. Я ей за это овса, сенца преподношу: с лета запасся — есть у меня лужок на берегу Шуи. Когда стоим в лесу, армяком накрою. Вечером к ней прихожу спокойной ночи сказать, сенца подбросить. Кнут я как-то потерял, а теперь и не нужен он вовсе, словами команду подаю — она слушается. За мной и моим Веретеном задержки нет, мы еще и вальщикам помогаем. Так-то...

В марте лесозаготовки достигли наивысшего размаха. Не хватало рук грузить тракторные сани,

нарушался ритм лесовывозки. Мастер обратился к Эйно. Тому не хотелось уходить из бригады, но если надо, если требует дело, какие могут быть разговоры.

На участке, куда его направили, был только ручной деррик. Двое крутят барабан лебедки, двое зацепляют крючьями бревно и направляют его так, чтобы оно ровненько легло в сани. Если попадалась могучая шестиметровка, крутили барабан вчетвером. Тяжелая, изнурительная работа. Когда сгущались ранние сумерки, зажигали керосиновые фонари, разводили костры и не уходили домой, пока не оставалось ни одних пустых саней. До 120 кубометров в некоторые дни грузили.

Возвращались в Матросы поздно. Эйно наспех ужинал и бежал в красный уголок лесопункта: сегодня курсы русского языка, завтра — технический кружок.

...Отвьюжила зима, дороги пропали, и лесозаготовки замерли. Эйно вместе с бригадой сплавлял лес по Шуе, а когда подсохло, ему на летний сезон выделили трактор, дали двух учеников-стажеров, и начали они корчевать смолистые пни на старых вырубках. А в конце лета на окраине Матросов он чистил поле под огород подсобного хозяйства, возил лес для строящихся жилых домов...

Жилью уделялось первостепенное внимание. К осени во всем поселке — песни, Эйно приходилось то и дело доставать из футляра скрипку, играть на новосельях.

Он радовался за других, всегда улыбался, всегда стремился помочь, если чувствовал, что знает чуточку больше товарища. Однажды уговорил Отто Вянонена, крепыша, увлекающегося спортивной борьбой, идти к нему в помощники, увлеченно объяснял ему устройство мотора, ходовой части трактора...

К концу лета Эйно все чаще заходил в контору. Молча читал газету, разглядывал плакаты по технике безопасности, на самом деле старался лишний раз

попасть на глаза начальству, чтоб не забыли о нем, когда начнется зимняя вывозка леса. Ему хотелось настоящего дела, хотелось возить лес на тракторе.

В конце декабря 1933 года в Матросы пришла радостная весть — в Петрозаводске на товарной станции железной дороги выгружают новенькие гусеничные тракторы Челябинского завода, десять из них выделены лесопункту.

Эйно ремонтировал свой трактор, и в Петрозаводск поехали его ученики Федор Исаков и Матти Пирайнен. Эйно много раз выходил из мастерской, но лишь поздним вечером на дороге загудели моторы, тьму разрезал свет мощных фар.

Утром весь поселок пришел посмотреть на новую технику. Эйно ласково погладил радиатор, притронулся к рычагам управления и вдруг увидел фирменную табличку.

— Ребята, ведь это самая первая партия, всего тридцатый номер! — воскликнул он.

— Значит, понимают в Москве, кто больше всех нуждается в таких стальных богатырях!

— Знают о наших Матросах!

— Конь сил на семьдесят. Какой ему корм нужен? Бензин?

— Лигроин, что-то среднее между бензином и керосином.

Подошли технорук Плотников, мастера, завгар.

— Ну-ка, трактористы, заводи. Покажите честному народу новый трактор, — сказал мастер Мантере. — Давай, Эйно, чего стоишь.

Эйно взобрался на сиденье, трактор тронулся, но вел себя, как норовистый жеребец. Рядом на сиденье уселся Федор Исаков, прокричал:

— Я с ним тоже сначала намучился! Не грусти, через полчаса обуздаешь коня по всем правилам.

Мотор работал четко, ритмично. Зацепили тросом на буксир два трактора, но двигатель гудел по-прежнему ровно, без надсадного воя, не то что у старого трактора, когда приходилось тянуть чрезмерный груз. Радовался Эйно, но радость эту омрачала мысль: а вдруг не дадут ему новую мощную машину, ведь есть и более опытные трактористы.

Начальство ушло в контору, тракторы остались у гаража, выстроенные в линейку, как на параде. Трактористы разошлись по домам встречать Новый, 1934, год.

А 2 января вечером к Эйно в барак зашел завгар Ермиля, выпил чаю, похвалил Айлины пирожки с капустой, а затем, видя, что хозяин сам не свой, засмеялся:

— Через час собирайся, дружище. В лесу сани груженные ждут. Возьмешь Вяянонена или Хаапаниеми — решай сам. Песку захватите, на спусках будете подсыпать. Твой трактор под номером тридцать четыре. Здорово? Сказать еще приятное? Уж очень ты понравился нашему новому техноруку Плотникову, он за тебя прямо горой. Удачи тебе, Эйно...

Выехали в восемь вечера, до участка было меньше десяти километров, и они рассчитывали к полуночи быть дома. Туда добрались благополучно, а вот обратно... И взяли-то всего 6 саней — 60 кубометров, это около пятидесяти тонн, а вес самого трактора десять тонн. На ровном месте шли хорошо, а вот на спуске санный поезд стал подталкивать трактор, сначала потихоньку, потом сильнее. Лоб Эйно покрылся холодным потом. Он понимал: один неверный маневр, и поезд столкнет трактор с дороги, опрокинет в кювет. Вяянонен торопливо подсыпал песок, Эйно мягко тормозил, слегка разворачивал машину поперек магистрали, понимая, что портит ледяное покрытие, зато держался на крутом спуске...

Домой вернулись лишь в четыре утра. Эйно спал как убитый, без снов, на одном боку. Проснулся, пообедал и снова в лес.

Через неделю они зацепили уже восемь саней, потом десять, двенадцать, наконец тринадцать!

Однако хорошо было возить лес, когда стояли небольшие морозы. А вот при минус тридцати приходилось тракторный поезд уменьшать, так как снег рассыпался, терял монолитность, вязкость. Наверстывать упущенное пришлось в марте. Тогда Эйно привез шестнадцать, а затем и восемнадцать груженых лесом двухполосных саней.

Имя Эйно Туоми все чаще упоминалось в конторе, в красном уголке, на общих собраниях.

Первый в Карелии механизированный Матросский лесопункт постепенно выходил в передовые. Сюда приезжали за опытом лесорубы Архангельской области, Коми республики. Здесь был создан даже целый учебный участок. Высокая производительность стала нормой. Слава о делах передового хозяйства пошла по всей стране. Передовиков приглашали в разные уголки Советского Союза. Ярвис, Лехтинен, Кищенко делились своим опытом на Урале, в Архангельске, под Ленинградом.

— В душе у меня большие перемены, — не раз говорил Эйно своему новому напарнику Эрнесту Хаапаниemi (Вянонен сдал техминимум, экзамены, и ему доверили трактор). — В Канаде я месяцами работал — никто не только спасибо не сказал, но и заработок мой был, смешно сказать, жалкие монеты. А здесь выгода для всех нас: для русских, финнов, карел, украинцев, казахов, белорусов. Вот привезем мы с тобой, Эрни, леса всего на одни сани больше, а из него где-то на Украине дом построят, люди рабочие поселятся, веселее жизнь пойдет в нашем Советском Союзе.

...Мартовское солнышко ярко блестело в санной колее. По утрам над поселком лисьими хвостами стояли дымы. Эйно шел в гараж веселый, улыбающийся. Ватные брюки, теплая фуфайка, меховая шапка и новенькие валенки — все выдал бесплатно лесопункт. Румянец у Эйно во всю щеку, и весь он крепкий, ладный.

— Смотри, какой у нас папа медвежонок, — смеясь, говорила Айли, качая годовалую дочку, которую называли звучным именем Вивьен.

///

Вечерами Эйно переодевался и шел в клуб.

...Еще сами жили в бараках, а все мысли были о клубе. Сделали проект, утвердили на общем собрании, и стали ставить большой из отборного бруса дом. Работали по выходным дням, с песнями, шутками. Выходили домохозяйки, подростки, детишки — подносили дранку, кирпич, песок. Кстати, кирпич был свой. Заводик, который построили недавно, давал его столько, что хватало не только на собственное строительство, но и на то, чтобы какое-то количество отправлять на стройки Петрозаводска.

И вот клуб готов. Были в нем библиотека, кинозал, парткабинет, комнаты для кружковой работы, а главное — спортзал, где всегда было людно!

В поселке подобралась такая сильная команда борцов, что равной ей не было в Карелии. Вершил тут дело Август Йокинен, державший когда-то первенство в Финляндии. В Канаде его никто не признавал, ибо был он обыкновенным безработным, а в Матросах стал уважаемым лесорубом, тренером большой команды.

Рядом, на сцене большого зрительного зала, репетировали танцоры во главе с Виесты Кетола. Тоже первые места в республике занимали. К слову сказать, в

Кондопоге были у них сильные соперники (там задорная, боевая девушка Хельми Мальми организовала целый ансамбль), но танцоры из Матросов им не уступали.

Плясали под свой оркестр — баян, две скрипки, банджо. Оркестром руководил Эйно — скрипач Эйно Туоми, как объявляли на концертах.

В Петрозаводске самодеятельные артисты из лесного поселка всегда были желанными гостями. Главные концерты в столице — первомайские и октябрьские — в те годы ни разу не проходили без участия танцоров и музыкантов из Матросов.

На всю жизнь запомнил Эйно тот день, когда вышел на огромную сцену праздничного Дома национальной культуры. Скрипка, блеснув в луче софита вишневым лаком, качнулась, взлетел смычок, и полилась трогательная мелодия:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек...

Летом в Петрозаводске проходили спортивные соревнования. Их ждали, к ним готовились, «болеть» за своих спортсменов ездили чуть ли не все жители Матросов. Автобус, который сами сделали из полуторки, и два грузовика, оборудованные сиденьями, курсировали с раннего утра в город и обратно.

Особым успехом пользовались борцы. Таких аплодисментов, таких букетов цветов не доставалось никому из спортсменов. Август Йокинен, как всегда, был непобедим. В пятерку сильнейших входил и Отто Вяянонен. Сменщик Эйно — тракторист Микко Онаццу — побеждал в беге на 1000 и 1500 метров, Бернгард Ниemi первым переплывал залив от Бараньего Берега до

пассажирской пристани — проводились тогда и такие соревнования.

...Важной задачей для коллектива лесопункта было расширение подсобного хозяйства. Увеличивали пахотные земли, осушали болота.

После работы и, конечно, по выходным дням все шли на коллективный огород. Родился интересный почин. На собраниях общественные организации брали обязательства внести свой вклад в полеводство. Члены Осоавиахима решили вспахать и посадить картофель на одном гектаре, члены МОПРа тоже взяли себе гектар, а члены профсоюза — целых 5 гектаров, поскольку эта организация была самая многочисленная.

Когда не было репетиции в клубе и неотложных дел дома, Эйно можно было найти на строительстве теплиц. Иногда приходила сюда помогать Айли — катила дочку в коляске, которую смастерил Эйно. Тогда отец отрывался от работы, брал девочку на руки, подбрасывал вверх и радостно смеялся. Айли красила стойки в теплицах, замазывала застекленные рамы замазкой, которую тут же готовила сама.

Теперь Айли работала в детских яслях — в новом светлом доме в центре поселка. С рождением дочери она пополнела, разрумнячилась, улыбка не сходила с ее красивых губ. Когда выдавался свободный вечер и Эйно был дома, Айли отправлялась на ферму, помогала там до сумерек — у лесопункта уже было свое стадо из 50 коров.

Теплицы расположились на берегу Шуи под защитой леса, там, где была отличная земля. И вот весной у лесорубов появились свежие огурцы, лук, салат.

На полях подсобного хозяйства выращивали капусту, морковь, свеклу, турнепс. Осенью 1936 года заложили в овощехранилище 100 тонн отборного картофеля!

— Это только начало, дорогие товарищи, — говорил на празднике урожая заведующий подсобным

хозяйством Арво Санкари (летом он работал в поле, зимой учился у Эйно управлять трактором). — Расширим наши теплицы, попробуем помидоры вырастить. Неплохо бы и пасеку наладить. В общем, ждем предложений, ждем помощников. Особенно надеемся на пионеров — тут для них нераскрытая книга природы. Комсомольцам спасибо за помощь, но хотим, чтобы их ряды увеличились...

Еще одна важная проблема требовала своего решения. В поселке не было водопровода, и воду приходилось возить в бочках из Шуи. А это значит, что две лошади и два человека были исключены из главного трудового списка коллектива. Стали думать о водопроводе. Руководство лесопункта собрало на совет рационализаторов, механиков, которые многое делали для улучшения условий труда, повышения производительности (показательно, что только в 1935 году рационализаторские предложения дали экономию в 43 тысячи рублей).

— Наступает весна, — заговорил начальник лесопункта Парикберг. — Но все наши заявки на металлические трубы пока не могут быть удовлетворены. В чем тут дело? Нам говорят: подождите, металл нужен Кондопоге, Беломорканалу. Правильно говорят, ничего не скажешь. И все же мы решили строить водопровод. Слово нашему чудодею-кузнецу Эйнару Викстрему.

— Я думал, думал и хочу сказать, что голова — это не только место для шляпы. Мой друг Иван Мартыненко просверлил три бревна: осиновое, березовое и сосновое. Не подумайте, что поперек, вдоль просверлил. Залили мы их водой, заткнули пробками. Хотите посмотреть, какое лучше держит воду? Нам кажется, сосна не подведет.

Все тут же пошли в мастерские, внимательно осмотрели четырехметровые бревна-трубы, поглядели

на диковинное сверло, которое наращивалось по мере сверления и которым можно было просверлить отверстие диаметром двенадцать сантиметров.

— Ну как? — улыбнулся оживленный Парикберг.

— Да это же прямо стволы пушек! — воскликнул Эйно.

— А мы, браток, и сверлили с оглядкой на славный город пушкарей Петрозаводск, — пробасил Мартыненко, подмигнув собравшимся.

— Ай да молодцы, ай да выдумщики, — восхищался удивленный профорг Тауно Кокко.

— Завтра же Туоми начнет вам отборный лес возить. Отбирайте, Эйно, все, куда ткнет пальцем Викстрем, — сказал Парикберг.

— Надо траншеею рыть, как только земля оттает, а за нас не беспокойтесь, — сказал Викстрем.

— Да на такое дело весь поселок подыметесь, стар и млад пойдет. Шутка ли, вода в доме будет, — торопливо заговорил технорук Плотников.

...Больше всего времени ушло на водонапорную башню. Фундамент клали из дикого камня, огромный бак делали из дерева самые опытные бондари.

На воскресник вышли сотни людей. Траншеею вырыли раньше намеченного срока, сразу же стали укладывать деревянные трубы. Один конец бревна заостряли, обматывали тщательно сальниковой прокладкой, вставляли в расширенное отверстие другого бревна-трубы. Прежде чем зарыть траншеею, подключили мотопомпу — опробовали трубы под давлением. Они вели себя отлично. Деревянный водопровод — длина его была больше километра — протянулся через весь поселок.

Другой отряд тем временем прокладывал траншеею от Шуи к башне, строил насосную станцию на берегу реки.

Начальник лесопункта вместе с парторгом несколько раз ездили в город, ходили по кабинетам. Наконец добились своего — дали Матросам из неприкосновенного запаса трубы, которые нужны были для подвода воды от Шуи к башне и от основной магистрали в квартиры.

К осени чистая, чуть-чуть пахнувшая смолой, вода была во всем поселке — в столовой, в бане, в бараках, в гараже. Напор, как в настоящем городском водопроводе.

В Матросах уже давно было электричество, а в соседнем Бесовце жили при керосиновой лампе. На собрании решили: надо как-то помочь подшефному колхозу. Достали старую, давно пришедшую в негодность водяную турбину, привезли в кузницу. Викстрем оглядел ее, покачал головой и стал ремонтировать. Снял почерневший, грязный ротор, чтобы выправить погнутую лопасть, бросил его в горн, а через десять минут на глазах у изумленных кузнецов ротор начал плавиться.

— Перкеле! Это же бронза, а мы и не заметили!

— Теперь, пиши, пропало.

— Такие штуковины только на заводах производят...

Пораженный Эйнар молчал, не веря своим глазам. Потом словно очнулся, словно дошли до него последние слова, сказанные кем-то из кузнецов. Выхватил он из огня оплавленный ротор, бросил в корыто с водой, вынул щипцами, оглядел внимательно, засмеялся громко:

— Я бог железа! Завтра будет вам стальной винт! Если не выкую, уйду в пастухи!

Вдвоем с подручным они стучали молотками до полуночи. И на завтра все десять кузнецов, придя на работу, увидели красивый стальной винт, лежавший на наковальне Викстрема.

...Вскоре в домах колхозников в Бесовце вспыхнул яркий электрический свет.

...Летом 1934 года в Матросы прибыло еще десять тракторов ЧТЗ. Теперь лесопункт был полностью обеспечен мощной техникой. В конторе все чаще поговаривали о том, что лесозаготовки должны вестись круглосуточно. Многие считали, что возить лес летом, преодолевая болотистые низины, спуски и подъемы, невозможно. И все же эти проблемы пытались решать. Начали вывозить древесину с ближних участков, прицепляя к тракторам всего несколько саней, и биржа потихоньку работала.

Лес, заготовленный и вывезенный зимой, сплавляли по Шуге в Онегу. Часть его шла на Соломенский лесопильный завод, вся остальная добротная древесина отправлялась из Петрозаводска на баржах на новостройки страны. Лучший отсортированный и окоренный баланс отправлялся в Ленинград, а оттуда на экспорт.

...Зимой на тракторе Эйно почти постоянно трепетал красный флажок передовика. Надежно работал верный друг «челябинец», ухоженный заботливыми руками тракториста.

Эйно и его напарник Хаапаниemi четко по графику выезжали на линию, быстро формировали санный поезд. На магистрали они знали каждую выбоину, каждый бугорок, низинку. Боролись за первенство азартно, но не теряли головы — берегли машину.

Это они первыми среди трактористов лесопункта вызвали на соревнование своих сменщиков, но те пытались обратить все в шутку. Тогда Эйно пришел в контору к парторгу Урпола, достал из нагрудного кармана аккуратно сложенную бумагу.

— Вот что мы решили с Хаапаниemi, — сказал он, покашливая от волнения. — Ежедневно обязуемся

вывозить полторы нормы. Тогда за зиму мы сделаем полноремы дополнительно. А если наши сменщики догонят нас, тогда получится хорошее дело — все мы на одном нашем тракторе сделаем целую сверхплановую норму. И будет нас уже как бы не две бригады, а три. Я говорю, может, путано, но мы так решили. Мы все продумали, график составили на всю зиму. Может случиться, что в отдельные дни, скажем, из-за сильного мороза или еще почему-то, мы не дадим сто пятьдесят процентов. Тогда у нас есть март, тут мы наверстаем.

В январе 1935 года в ранних сумерках усталый Эйно с напарником возвращались на тракторе из леса. Только остановились у нижнего склада, как фары вырвали из косо летящего снежного заряда спешившего к ним профорга Кокко.

— Добрый вечер, Эйно. Большие дела на нашем фронте. Через час собираем всех механизаторов. Будем знакомиться с важнейшим документом.

— Да не говори загадками. О чем речь?

— О нас, о лесорубах. Давай, Эйно, ужинай, переодевайся и приходи. Эрнест, ты тоже должен быть.

Эйно пришел пораньше — не терпелось. Однако в парткабинете уже было много народу — еле отыскался свободный стул. Поговорили, пошушукались. Но вот парторг Урпола вынул изо рта погасшую трубку, постучал ею по графину, оглядел собравшихся.

— Постановление, которое вы сейчас услышите и которое мы с вами обсудим, имеет, товарищи, крепкое название: «О недостатках в работе Народного комиссариата лесной промышленности в области лесозаготовок и лесосплава и о мерах к ее улучшению». Вся наша жизнь тут как на ладони. Партия большевиков, товарищи, видит все до самых мелочей, она раскрывает нам глаза на многие недостатки. Здесь, в «Правде», несколько раз упоминается вместе с другими лесными краями и наша Карелия. Значит, не все ладится, значит,

надо взглянуть на свои дела сквозь увеличительное стекло. А многое и без стекла видно. Вы можете сказать: мы в Матросах почти регулярно выполняем свои задания. Но разве у нас не бывает срывов, разве все у нас идет как по маслу?

Урпола попросил разрешения сесть, разгладил рукой газету, придвинул настольную лампу и начал читать. В постановлении было сказано о срыве поставок древесины народному хозяйству, о медленных темпах лесозаготовок в стране, о низком уровне механизации и о многом другом.

Эйно быстрым, мелким почерком записывал в блокноте:

«Основным промышленным звеном должен быть механизированный лесопункт...

Признать необходимым скорейший перевод тракторов и автомобилей с жидкого топлива на древесное...

Повысить зарплату квалифицированным рабочим...

Перевести всех, кто трудится на механизмах, на сдельную оплату...

Ввести премирование трактористов и шоферов...

На строительство в лесу клубов, яслей, бань и т. п. выделить 5 миллионов рублей. Предоставить долгосрочные ссуды в размере 5 миллионов рублей на приобретение рабочими лесных поселков скота. Выделить лесозаготовителям ссуду 5 миллионов рублей на индивидуальное жилищное строительство...»

Урпола еще долго читал постановление, а когда закончил, то не успел и глотка воды выпить, как начались выступления.

Первым поднялся Плотников. Он похвалил трактористов Лаhti и Туоми за бережное отношение к технике, за экономию горючего, дал высокую оценку лесорубам бригады Мяннисто, которые довели выработку до 22,2 кубометра на человека в день, что по сути являлось рекордом Карелии. Он продолжал бойко говорить о других достижениях лесопункта, но его перебил Урпола:

— Успехи наши всем известны, а вот просчеты, ошибки, нарушения мы не замечаем, делаем вид, что их у нас нет. Конечно, правда глаза колет, но давайте прямо говорить о том, что нам мешает, что держит нас, когда мы поднимаемся из долины в гору.

Дорожный мастер Кулмола словно ждал этих слов парторга.

— Надо нам значительно улучшить уход за дорогами. Повторяю — значительно. Надо всем повернуться лицом к дороге! Что я предлагаю. Прежде всего, хотя время и упущено, но все же еще можно оборудовать четыре-пять незамерзающих колодцев на магистрали для ее постоянной поливки. Семи существующих колодцев мало, трактористы это видят. Далее, на поливке должны работать не две, а минимум три цистерны на санях, об этом я уже не раз говорил в конторе.

— Послезавтра установим новую мотопомпу, которая будет заполнять цистерну за восемь минут. Третью цистерну мастерские закончат к концу недели, — вставил покрасневший Плотников.

— Следующий момент, — продолжал, усмехнувшись в усы, Кулмола. — На мосту у подъема, там, где чаще всего буксуют наши тракторы с санными поездами, должен дежурить буксирный трактор...

— Правильно! — воскликнул Эйно. — Там у нас почти всегда заминка, особенно у молодых трактористов. Ну и, конечно, вот вам и пережог горючего. Я уверен, буксирный трактор окупится. И дорогу портить не

будем. Хорошо бы наладить и работу маневренных тракторов, чтобы нам, трактористам, вывозящим лес по главной магистрали, не надо было собирать сани по делянкам...

— У меня на этом мосту в любой мороз семь потов сойдет, — звонко заговорил Лахти. — Нельзя осилить подъем, и все тут. Хоть волком вой. Вот и начинаю бегать, расцепляю поезд, сцепляю. Ведь в гору могу вытянуть всего лишь шесть саней, а их у меня бывает тринадцать, а то и пятнадцать! Вот и подсчитайте — горит дефицитное горючее, летит дорогое светлое время...

— Маневренный трактор, — подхватил тракторист Лехтонен, — должен помогать мне сдвинуться с места, а то ведь что получается: я лигроин жгу — трактор на дыбы, а поезд ни с места. За ночь сани знаете как мороз прихватывает. Вот и начинаем бегать с помощником как белки, расцепляем поезд, дергаем по частям. Глядь, а час уже и потеряли...

В разговор снова включился Эйно:

— Хорошо бы установить также дополнительно три-четыре деррика, тогда больше груженных саней в лесу нас ждать будет и нам не придется понапрасну терять драгоценные минуты в ожидании погрузки...

К полуночи начальник лесопункта Парикберг, охрипший, с воспаленными глазами, подвел итоги:

— Думаю, мы с парторгом верно сделали, что решили собрать коллектив — не весь, а по профессиям — для конкретного обсуждения постановления. Послезавтра соберем лесорубов, затем ремонтников и механиков тракторной базы, а потом нашу службу быта и торговли. Все замечания ваши будем выполнять, а их, как видите, набралось немало, я полтетрадки исписал. В ежедневной текучке мы как-то перестаем замечать наши недоработки, привыкли к тому, что план у нас идет хорошо, что нас хвалят в дирекции леспромхоза в

Петрозаводске. Но наш долг не успокаиваться, не останавливаться на достигнутом! Нам всем должно быть ясно: дадим больше леса — станет сильнее наша Родина. Надо экономить горючее — не менее одного килограмма на отработанный час. Магистраль надо поливать и поливать, чтобы была твердая как сталь и блестела как зеркало. А главное, нам надо беречь технику, помнить — это все наше, народное. Тут уже говорилось об Эйно Туоми. Он не гоняется за рекордами, как некоторые, и не уродует свой трактор. Посмотришь — за декаду у него средний показатель, а по итогам квартала — он передовик. Почему? Да потому, что он любит свой «челябинец», не рвет ему жилы. Туоми и его сменщик Вяянонен не пользуются услугами мастерских тракторной базы. У них трактор всегда здоров. А другие, вы хорошо знаете кто, выскочат вперед, а потом неделю трактор ремонтируют. Это не значит, что мы призываем вас снизить темпы вывозки. Я убежден, что если мы сделаем нашу магистраль, как я сказал, стальной и зеркальной, мы будем возить не по десять саней, а по пятнадцать-двадцать. А двадцать саней — это двести кубометров. Ну и в заключение хочу вот на чем поставить восклицательный знак. В постановлении сказано: лесозаготовки мы должны вести круглый год. Это серьезный экзамен для нас и готовиться к нему надо сейчас, зимой, время торопит.

...Постановление всколыхнуло весь коллектив лесопункта. Все еще раз ощутили на себе заботу партии, правительства и старались откликнуться на нее делом, проявить инициативу.

Февраль закончили хорошо, еще лучше завершили ударный месяц март. В Карельский обком партии и Совнарком пошла из Матросов телеграмма:

«Товарищу Ровно, товарищу Гюллингу.

В I квартале 1935 года Матросский лесопункт Петрозаводского леспромхоза должен был вывезти на тракторах 113 тысяч кубометров древесины. 26 марта это задание выполнено. До 6 апреля обязуемся вывезти 17 тысяч кубометров.

Плотников, Урпола, Кокко».

...Первомай 1935 года отмечали в Матросах с небывалым подъемом. Теплый южный ветер развевал красные флаги. По центральной широкой улице не торопясь шли нарядные лесорубы с женами, с детьми. В переполненном клубе состоялся митинг. В президиуме сидели все знатные люди поселка, в первый ряд посадили Туоми, Лехтонена, Мяннисто, Викстрема, Терентьева, Мантере, Каширина, Ильдерякова.

На трибуну поднялся Плотников — молодецватый, ладно скроенный. Он, улыбаясь, оглядел праздничный народ, развернул свежую газету, поднял ее высоко над головой:

— Радостная весть пришла к нам из Москвы! Приказом по Народному комиссариату лесной промышленности СССР Матросскому лесопункту присвоено звание образцового механизированного лесозаготовительного пункта!

Последние слова утонули в громких аплодисментах, в криках «ура».

— Каким путем, дорогие земляки, мы завоевали это звание? Как добились выполнения сезонного задания на сто два процента, дав стране сто сорок одну тысячу кубометров высококачественной древесины? Решающую роль во всей нашей работе сыграло известное всем постановление ЦК ВКП (б) и Совнаркома СССР от 19 января 1935 года. Оно четко указало на наши непосредственные задачи и пути борьбы за полное

освоение механизмов, за решительное усиление эффективности механизированной вывозки. На основе этого постановления мы провели ряд организационных мероприятий, обеспечивающих решительное повышение темпов и качества работы. Мы решительно покончили с существовавшей ранее обезличкой в использовании тракторного парка, закрепив за каждым трактористом определенный трактор, создав постоянные бригады. Первыми в Карелии мы ввели диспетчерскую систему на лесовывозке, установив точный график движения тракторов. Старая система покилометровой оплаты трактористов была заменена прогрессивной сдельщиной с учетом квалификации каждого из них. Лесопункт переведен на хозяйственный расчет, и мы сегодня стали полновластными хозяевами своих средств, получили возможность самостоятельно решать финансовые вопросы, не обращая по каждому пустяку в дирекцию леспромхоза. Опыт этого года показал всю несостоятельность разговоров о невыгодности тракторной лесовывозки. Тракторы всю зиму работали безотказно и показали, что их без всяких конструктивных изменений можно с большим успехом использовать на вывозке леса. По всем показателям механизированной вывозки мы добились перевыполнения плановых норм, тех самых норм, о невыполнимости которых так много кричали в свое время неумелые руководители некоторых лесопунктов. Плановая производительность трактора в смену Наркомлесом установлена в сто тридцать пять кубометров. Наши машины вывозили в среднем по сто шестьдесят восемь кубометров на тракторосмену при среднем расстоянии вывозки десять с половиной километров. Всего на нашем лесопункте, как вы знаете, работает пятьсот тридцать пять человек. Триста девяносто — охвачено социалистическим соревнованием. Мы не гнались за высоким процентом

охвата соревнованием, а прежде всего стремились повысить качество соревнования, сделать его действенным. Здесь у нас с вами достигнуты большие результаты. Триста наших рабочих числятся в списках ударников, и это действительно ударники, все до одного систематически перевыполняющие плановые задания. Социалистическое соревнование воспитало таких знатных людей, как тракторист Элис Лехтонен, доведший среднюю производительность тракторосмены до двухсот семидесяти трех кубометров, а план, как я уже сказал, сто тридцать пять кубометров. За четыреста девять рабочих часов наш Лехтонен вывез тринадцать тысяч девятьсот двадцать восемь кубометров — столько, сколько вывозит за квартал небольшой лесопункт. Отличные успехи у трактористов Клинго Лаури, Эйно Туоми, Тойво Силланпяя. Поздравим же их с трудовой победой в честь международного дня солидарности всех трудящихся земного шара!

...Всю весну и лето в непривычно тяжелых условиях Эйно трудился на вывозке леса.

Незаметно пожелтели листья на березах, пахло морозцем, полетел первый тихий снежок. Новый зимний сезон начался для Эйно хорошо. Отлично работал трактор, Хаапаниemi стал незаменимым помощником. Шаг за шагом они выходили в передовые. По-ударному работали и другие тракторные бригады. Весь лесопункт старался держать марку, оправдывая делами почетное звание «образцовый».

В механических мастерских боролись за досрочный и качественный ремонт двигателей, на магистрали четко работали поливочные установки, ручные и конные деррики заменялись механическими, в кузнице возвращали к жизни каждую поврежденную пилу, топор, напильник...

Во всех уголках страны уже хорошо известно было имя шахтера Алексея Стаханова, перекрывшего в

тридцать раз сменную норму вырубki угля. Его почин подхватывали повсюду, в том числе и здесь, в Матросском лесопункте.

То было удивительное время великих свершений. Мы рвались в небо, покоряли полюс, строили мощные гидростанции, давали рекорды на заводах и фабриках, на животноводческих фермах, на бескрайних колхозных полях.

Работали с улыбкой, с песней. Каждый концерт в Матросах начинался полюбившимся маршем. Эйно взмахивал смычком, и взмывала задорная мелодия. Начинали петь на сцене, а кончали уже вместе со всем залом:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца — пламенный мотор...

С этого времени лесопункт стал вести лесовывозку круглый год. За лето 1936 года вывезли 70 тысяч кубометров. Это была большая победа! Центральная пресса, республиканская газета «Красная Карелия» писали об успехе Матросского лесопункта.

В одиночку теперь мало кто заготавливал лес. Почти все лесопункты переходили на бригадный метод. Вальщик лучковой пилой валил лес, разделявал деревья. Двое подсобных рабочих обрубали сучья, сжигали их в кострах. Выработка в бригадах поднялась до шестидесяти кубометров в смену.

Одним из первых такую бригаду в Матросах организовал Валде Паюнен. Однажды прочитали в газете о том, что в Пудоже тоже перешли на бригадный метод и что есть там знаменитый лучкист Петр Филатов. До Пудожа было не близко, но слава о бригаде

Филатова, заготовлявшей за смену сто кубометров, докатилась до Матросов.

Валде пришел к гаражу, где стоял автобус, возивший лесорубов на делянку, хмурый, небритый. Подходили трактористы, здоровались. Обменивались новостями, шутили.

— Ты что, Валде, приуныл, не заболел ли?

— Не берут меня болезни, закалился на морозе. Но вот все думаю о том пудожском парне. Написал ему письмо вчера вечером. Долго писал, никак не мог начать... Спрашиваю, как работает, а в конце написал: так, мол, и так, хочу вызвать тебя на трудовой бой, на соревнование. С бригадой я договорился...

— Молодец, Валде. Ответственное дело затеял, тут надо слово держать! Желаю успеха! — хлопнул вальщика по плечу Эйно.

В разговор вмешался завгар Ермиля:

— Когда двое соревнуются — это капля в море. Надо, чтобы все соревновались, на всех лесных делянках. Вот я и думаю, а что если ты, Валде, пошлешь свое письмо не прямо в Пудож, в Колодозеро, а в «Красную Карелию»? Пусть за вами другие лесорубы поднимутся...

Вскоре газета напечатала письмо Паюнена к Филатову: «Дорогой друг! Горячо поддерживаю твой славный почин и даю твердое стахановское обещание заготовить в четвертом квартале 1936 года и в первом квартале 1937 года 4 тысячи кубометров».

Письмо это в Матросах читали и перечитывали, рассуждали: не слишком ли много взял на себя Паюнен? Прошла неделя, и вдруг гость на пороге — приехал Петр Филатов собственной персоной. Повозили его по участкам, заехали в бригаду к Паюнену, а вечером собрались лесозаготовители в красном уголке. Рассказали о своих делах, сравнили показатели сегодняшние с прошлогодними. Говорили бы еще, но Филатов, подняв по-школьному руку, попросил слова.

— Беремся с моей бригадой заготовить за сезон пять тысяч кубов!

Сначала воцарилась мертвая тишина, думали, может, еще что добавит, а потом раздалась такие аплодисменты, что стали оглядываться на окна — не вылетят ли стекла.

Филатова расспрашивали долго, дотошно. Принесли самовар, пили чай, а потом вручили гостю подарки: пилу «кроскот», финскую шапку с кожаным верхом. У Паюнена были дары собственного изготовления — легкая прочная рама для лучковой пилы и длинное изогнутое топориче с выжженной надписью: «Дорогому другу по соревнованию П. И. Филатову от Валде Паюнена».

Так началась многолетняя дружба двух знатных лесорубов. Их трудовое соперничество очень скоро дало зримые результаты — десятки бригад различных леспромхозов стали соревноваться между собой. Неоднократно ездил в Колодозеро Паюнен, еще несколько раз гостил в Матросах Филатов, встречались они и в Петрозаводске на слетах передовиков.

В феврале 1937 года Валде Паюнен и Эйно Туоми принимали участие в совещании стахановцев лесозаготовительной промышленности Карелии. В переполненном зале были Готчиев, Филатов, многие другие знаменитые труженики леса. В докладе говорилось и о достижениях Матросского лесопункта, в числе первых была названа фамилия Эйно.

После доклада началось чествование передовиков. Заместитель председателя Совета Народных Комиссаров Карелии Петровский прочитал постановление Совнаркома. На сцену один за другим поднимались передовые труженики, получали грамоты, ценные подарки.

Новенькое ружье и отрез на костюм вручили Паюнену.

И вдруг Эйно услышал:

— За хорошие показатели в выполнении взятых обязательств по лесозаготовкам, распространение своего опыта стахановской работы и постоянное повышение деловой квалификации премировать стахановца-лесозаготовителя Карельской АССР тракториста Эйно Вилховича Туоми велосипедом!

Эйно шел по взорвавшемуся аплодисментами огромному залу, и ноги его были словно ватные. В памяти мелькали одна за другой картины прошлого: отец, отмывающий красные от руды руки; сестренка, стирающая фермерское белье; больная мать, тревожно вглядывающаяся в черное дождливое окно; задумчивая Айли за свадебным столом... И ему вдруг мучительно захотелось, чтобы отец, мать, братья и сестренки оказались бы в этом торжественном зале, и непременно в первом ряду, и видели бы его, неторопливо идущего по ковровой дорожке, в новом черном костюме, при галстукe, и слышали, как гремит зал, приветствуя их сына и брата — Эйно Туоми.

...По тем временам велосипед был большим подарком. Все в Матросах поздравляли Эйно. Радовалась Айли, весело блестели глаза Вивьен, когда она садилась в небольшую корзинку, которую смастерил и укрепил на раме велосипеда отец. Тихими погожими вечерами они ездили за поселок, далеко-далеко.

Перед сном Эйно и Айли часто говорили о будущем. Айли радовалась успехам мужа, гордилась им. Как хорошо относятся к ним в поселке, как радостно жить, когда все вокруг — свои. У них была интересная и нужная работа, было народное признание. А недавно, получив советские паспорта, они стали полноправными гражданами своей настоящей Родины — Советского Союза.

Тяга к новому — главная черта характера Эйно Туоми, так не раз говорили его товарищи. Эйно был

одним из первых, кто голосовал за переход на вывозку леса однополосными санями, чтобы увеличить производительность санного поезда. Это он вместе с кузнецом Викстромом придумал и поставил зубья на траки гусениц, и теперь трактор не буксовал на подъемах скользкой ледяной магистрали. Это новшество прижилось, и вскоре даже Онегзавод стал ставить зубья на новые челябинские тракторы, поступавшие в Карелию.

Первым Туоми поехал из Матросов на курсы трактористов газогенераторных тракторов, окончил их отлично, и первым внедрял в лесопункте эту новую необычную технику, работавшую не на дефицитном лигроине, а на дешевых березовых чурках. Он помогал усовершенствовать газогенераторы сначала у себя, в мастерских лесопункта, а затем высказал инженерам Онегзавода ряд предложений, как улучшить конструкцию «газгенов», к производству которых завод только что приступил.

Вывозка леса трактором с газогенератором

Летом Эйно командировали в Олонец расчищать целину под пахотные земли, работал он со своим трактором и в Кондопоге — пахал совхозное поле, обрабатывал земли пригородного совхоза на окраине Петрозаводска, там, где сегодня раскинулись корпуса производственного объединения «Петрозаводскмаш».

Жизнь в Матросах бурлила. Летом дома росли, как грибы после дождя. Государство давало лесозаготовителям ссуду, и многие стали ставить собственные дома, причем фундамент, стены, стропила возводили строители лесопункта.

Одними из первых, еще осенью 1935 года, справили новоселье и Эйно с Айли. Была у них половина добротного двухэтажного дома. На первом этаже просторная кухня, столовая, вверху спальня, кладовки.

В новых домах жили красные финны, эмигрировавшие из Финляндии в Советскую Карелию в годы гражданской войны; приезжавшие в Матросы по организованному набору белорусы, украинцы тоже селились в уютных квартирах, радовались.

У Эйно на тракторе появились новые ученики — татарин Егор, украинец Сашко, белорус Петр.

Пройдет совсем немного времени, и они понесут мастерство своего учителя по дорогам войны — станут танкистами, водителями артиллерийских тягачей, автомашин...

V

Всегда четкий, подтянутый, всегда жизнерадостный, Эйно за один день 22 июня 1941 года стал неузнаваем — лицо почернело, мысли путались, руки не слушались. Только к вечеру он пришел в себя, после митинга в клубе. А ранним утром в понедельник, как всегда, выехал в лес и работал допоздна.

Шли дни, полные какой-то тягостной неопределенности, но вот однажды теплым августовским вечером за Эйно прибежала посыльная. В конторе было накурено и тесно — руководство лесопункта собрало всех, кто имел бронь.

— Получен приказ эвакуироваться, — начал тихо новый начальник лесопункта. — Мы едем на Урал. Вначале отправим технику, затем все остальное. Заготовке древесины для фронта придается важнейшее значение. Теперь рассмотрим все по порядку, кому поручается какой участок...

Туоми с пятью трактористами пригнал на товарную станцию в Петрозаводск все тридцать шесть «челябинцев», пятнадцать автомашин. В эвакуацию отправлялись четыре тракториста, старшим назначили

Эйно. Два дня ждали платформы, затем погрузили все, упаковали станки, запчасти к тракторам, закрепили тросами, проволокой. В теплушке разместились сами с семьями и через Обозерскую дорогу двинулись медленно на восток. Везли нехитрый скарб, небольшой запас картофеля, сухарей, вяленой рыбы.

Почти месяц добирались до Урала. Выгрузились на станции Менделеево. Оттуда отвезли семьи за сто пятьдесят километров в Крохалевский леспромхоз Коми-Пермяцкого национального округа, а затем стали перегонять технику.

Встретили их в леспромхозе приветливо. При всей сложности выделили жилье — домик на две семьи, помогли продуктами, тут же выдали денежный аванс. Соседи — Богдановы, Ризины, Мостовецкие — принесли картошку, поделились мукой.

— Как мы ждали вас, — гудел низким басом завгар Еркин, вплетая в русскую речь родные слова (некоторые слова Эйно понимал, ведь когда-то у них были одни предки, один язык). — О вашем лесопункте мы слышаны, читали в газетах. А тут говорят: карелы едут, целый эшелон с техникой везут. Жаль только, что вас, трактористов, всего четверо. Ну да не беда — учеников вам дадим, пареньков молодых, можно и девчат. Сами понимаете, все крепкие мужики на фронт ушли. И коль уж нам с вами бронь дали, значит, лес нужен: и на передовой — блиндажи строить, и в тылу — заводы новые подымать.

Приехал повидать подкрепление и главный инженер треста «Комипермьлес» Гурьев.

— С такой техникой да с вашим опытом горы свернем. А похоже, что предстоит именно горы своротить — нам дали огромное задание по лесозаготовкам, прямо скажем, небывалое. Правда, в лесу будут работать жители окрестных колхозов, но кто там остался? — женщины да подростки. Мне в обкоме

партии сказали: объясни народу — лес нынче важен так же, как снаряды!

Затем пошел разговор о подготовке к зиме, о строительстве ледяной дороги, о ремонтной базе, о реконструкции санного парка.

Эйно со своим давним товарищем Иваном Нива проверили тракторы после перегона, сделали профилактику. Когда работали в кузнице, Эйно заглянул под ветхий навес, где стояли машины местного леспромхоза. Пять тракторов могли еще работать, а три «челябинца» требовали большого ремонта. И Эйно взялся за дело вместе с учениками, решил: пусть познакомятся с устройством машины. Ремонтom занимались до снега, а когда ударили морозы, стали готовить ледяную дорогу. Руководили работой дорожный мастер Мингелев и Туоми.

В леспромхозе теперь насчитывалось шесть настоящих трактористов да столько же учеников. Конечно, этого было мало, значит, техника будет простаивать, значит, план будет под угрозой, значит, придется работать за двоих, а то и за троих.

Колхозники рубили лес еще с лета, и все ждали, когда магистраль подмерзнет. Вывозка началась в ноябре, работали круглые сутки, в две смены по двенадцать часов. У Эйно на тракторе учились двамышленных паренька. Вскоре одному из них, Виктору, исполнилось семнадцать лет. Еркин и Туоми приняли у него экзамен по всем правилам, а назавтра новый тракторист сел самостоятельно за рычаги. Сколько радости было в глазах Виктора, как долго он жал руку Эйно!

— Это только начало, — охлаждал его пыл Эйно. — А вот когда твой трактор в глухом лесу заглохнет, когда руки начнут прилипать к металлу, когда слезы на щеках будут замерзать и ты будешь всех чертей вспоминать, проклиная свою судьбу, но вдруг словно молния озарит

тебя, и ты поймешь, чем заболел твой железный медведь, и заведешь его, вдохнешь в него жизнь, тогда считай себя трактористом.

Работали без выходных, выезжали на линию в самые жестокие морозы, в пургу. Рейс любой ценой! — такой неписанный закон был у них.

Эйно вывозил за один рейс двадцать одни сани — двести пятьдесят семь кубометров! И это на слабом газогенераторе. Бензина леспромхозу почти не выделяли — все горючее шло на фронт, и треть тракторов, работавших на жидком топливе, простаивала.

Однажды Эйно зашел к Еркину.

— Послушай, что я надумал. Есть у нас смолокурня, там добывают скипидар и деготь. Так вот, я смешал ведро бензина с ведром скипидара и, по-моему, дельная смесь получилась. Давай попробуем залить ее в пусковой двигатель. Когда-то в Канаде я слышал про нечто подобное. Ну, а деготь можно вместо автола. Тут, конечно, опасность есть.

— Ты имеешь в виду подшипники?

— Именно. Вот где пригодится опыт, а если хочешь, и музыкальный слух, чтобы уловить, когда двигатель заикается...

Сначала все шло хорошо, двигатель работал четко, но когда усилились морозы, трактор нельзя было завести, плавилась подшипники.

Однажды Эйно тащил двадцать три санных прицепа. На подъеме трактор забуксовал и мотор заглох. Принялись с учеником заводить машину, провозились около часа — никакого результата. Отдохнули, снова попробовали завести мотор, и тут Эйно понял: случилось то, чего он так боялся — расплавился подшипник.

— Ничего, пою^[4], осилим, иначе какие же мы трактористы, черт возьми, — говорил Эйно, отогревая у рта онемевшие пальцы.

— Мороз, дядя Эйно, к полуночи до сорока градусов усилится. Знаете, какие у нас морозы бывают. Пойдемте в поселок, а утром вернемся и начнем все сначала.

— Э нет, так просто мы не сдадимся. Давай беги к Еркину — он знает, что надо делать, даст подмогу. Трактор нам надо к утру на ход поставить, ведь мы дорогу загородили — вывозка остановится. Беги, а я тут костер разожгу, мотор разберу. Не боишься ночью-то?

Но мальчишка был уже далеко. У Эйно в кармане в чистой тряпочке был припрятан запас — четыре ржаных сухаря. Он отломил кусочек, положил за щеку и принялся за работу...

Почти сутки провозились с подшипником. Когда Эйно наконец завел трактор, руки его враз обессилели, ноги обмякли, и он не смог взобраться на сиденье.

Его подсадили, укутали ноги старой фуфайкой, трактор повел ученик.

С того дня у Эйно временами, к непогоде, стали неметь колени, побаливать.

Кабин тогда у тракторов не было, ветер бросал колючий снег в лицо, холодил спину. Эйно приезжал с работы, похожий на снежную глыбу, — мохнатый, белый. Айли жарко топила печь, а заслышав шаги мужа, выбегала в сени, торопливо снимала с него задубевший полушубок, стягивала валенки, развязывала шапку — пальцы у Эйно тоже начинали болеть, теряли чувствительность.

— Как я теперь со скрипкой буду разговаривать, — вздыхал он, разглядывая опухшие суставы.

Но скрипка, как и прежде, пела в его руках. Первый концерт в поселке дали в честь разгрома фашистов у Сталинграда. Не очень сильный оркестр удалось организовать Эйно — домра, баян да скрипка, но все же оркестр. Играли русские песни, украинские, разучили местную плясовую. В зале сидели усталые женщины, худые дети, дряхлые старики. На час-другой они

забывались. У женщин, когда звучала музыка, молодели лица — постаревшие, почерневшие.

Айли с Вивьен сидели в первом ряду, не сводили со сцены глаз. Людям хотелось музыки, и Эйно играл и играл. Пусть запомнится всем этот день великой победы на Волге. Баян и домра устали ему подыгрывать, тогда Эйно вышел вперед и тихо запел, чего раньше никогда не делал: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...». Потом: «Синенький скромный платочек...», «На позицию девушка провожала бойца...», «Капитан, капитан, улыбнитесь...»

...Весной директор леспромхоза, поглядев на желтолицего, измученного Эйно, коротко сказал:

— Поедешь в село Соболево, просят помочь вспахать колхозное поле. Там тебя хоть подкормят. Надо тебе поправиться, товарищ Туоми. Поедешь на газгене.

Председатель колхоза, раненный в руку фронтовик Аникин, встретил Эйно как родного.

— Лошадей, понимаешь, пришлось всех отправить на фронт по разнарядке, теперь вот на коровах пашем. А что делать? Не посеем — войну не выиграем. Помогай, браток. И поле надо вспахать, и навоз вывезти, и лес подвезти — голова пухнет от забот. И опыта у меня никакого — до войны счетоводом был, бухгалтерию знаю, вот и выбрали.

Земля была глинистой; два колесных барахливших трактора из МТС, на которых сидели заплаканные худые девчущки, пахали мелко, с огрехами.

— Председатель, надо пахать глубже, — сказал Аникину вечером того же дня Эйно. — Я сын фермера, там, в Канаде, попадалась тоже такая земля. Разрешите мне сделать одно поле по-своему.

Эйно вывез навоз, вспахал поле, как надумал, отремонтировал сеялку — посеял, потом собрал бороны, сцепил вместе, забороновал.

...Пшеница вымахала густая, высокая. На радостях Эйно согласился поиграть колхозникам. Библиотекарша вывесила у клуба объявление: «Концерт скрипача-тракториста Э. В. Туоми. Вход бесплатный. Ждем всех».

Это был не простой концерт. Сначала Эйно рассказал о далекой Канаде, о своем отце, сыграл «Интернационал»; затем поведал, как приплыли они в Ленинград, и исполнил марш «Свободная Россия»; говорил о Карелии, о мирной далекой жизни, и его скрипка задорно пела: «Все выше, и выше, и выше...»; а после рассказа о том, как у него родилась дочка и как он получил советский паспорт, он играл песни Дунаевского, финские мелодии; сыграл он и две военные песни, а закончил концерт коми-пермяцкой плясовой.

Слушатели долго не отпускали Эйно, а Аникин вскочил на сцену, стал обнимать его здоровой левой рукой.

— Я знал, что ты отличный тракторист, а теперь убедился, что и артист настоящий. Здесь, на концерте, все правление колхоза, и пока ты играл, мы посоветовались и решили выдать тебе, товарищ Туоми, за концерт твой замечательный полпуда белой муки. Как, товарищи колхозники, правильно мы решили?

В зале снова заплодировали, закричали: «Правильно, правильно!»

Потом Аникин повел Эйно к себе домой поужинать. Когда прощались, сказал:

— Дали бы мы тебе муки больше, но сейчас нету, бережем для эвакуированных детей. А вот с нового урожая ты заработал у нас столько, что хватит всей твоей семье на зиму. Будет твоя жена булки печь!

...На следующее лето Аникин снова выпросил Эйно Туоми у леспромхоза, благо вывозка леса летом уменьшилась.

— Понимаешь, Эйно Вилхович, — говорил Аникин, крепко пожимая руку Эйно. — У нас вроде бы радость —

предложили нам два гусеничных трактора, тоже с войны, инвалиды. Но все говорят, лучше бы я их не брал. А я о тебе вспомнил и согласился, взял. Погляди, может, воскресишь? Твои, брат, руки все могут, мы ведь знаем.

Тракторы походили на груды металла. На одном Эйно увидел вмятины от осколков. Долго ощупывал он рваную рану на бензобаке, и ему вдруг почудился вой бомб, взрывы. Вспомнилось, как бомбили их эшелон, как вспыхнула бочка с бензином, как они сбивали огонь с кем-то из женщин, как обжег он себе руки...

Решил из двух тракторов сделать один. Прикинул, что сможет выточить сам, а что надо будет доставать Аникину в МТС или в леспромхозе. Работал днем в поле, а вечерами пропадал в мастерской. Дали ему трех парней в помощь, а заодно и на обучение. День за днем трактор становился похожим на трактор. Через месяц его покрасили, залили горючее, завели мотор. Сел Эйно за рычаги, проехался по колхозному двору, подъехал к конторе.

— Принимай работу, товарищ председатель. Подковали вам стального коня по всем правилам. Даю гарантию — пять лет будет работать без капитального ремонта. А второй трактор предлагаю поставить на фундамент в мастерской, и будет у вас своя электростанция. Маленькая, да своя.

Так и сделали. Вспыхнули вскоре в домах лампочки, заработала мельница, зажужжала шпалорезка.

— Оставайся у нас, Вилхович, — уговаривал Эйно председатель, заходя вечерами на огонек. — Кончится война, построим тебе дом — хорошую пятистенку, изберем в правление. Колхоз наш снова станет миллионером. Вот только вернутся наши солдаты с фронта, засучат рукава, и начнется новая славная жизнь.

— Нет, друг, я люблю лес возить. Знаешь, как замирает сердце, когда глянешь назад, а санному

поезду конца не видно. Настоящую мужскую работу делаю!

— Мы тебя к ордену представим. Тебя люди наши полюбили за руки твои золотые, за душу честную.

— Ордена дают за великие дела. А я обыкновенный тракторист, каких тысячи.

— Ну, ты уж не скромничай. А хочешь, мы тебе скрипку купим? Новенькую, звонкую. Я ведь знаю, твоя раскололась, когда ты к нам под Новый год приезжал. Я уже, Вилхович, полгода тебе скрипку ищу, но нет пока. В Москву напишу, там купят...

— Спасибо, дорогой друг Аникин, за добрые слова. Но мне снится моя Карелия. Все вечера о ней думаю. Там, наверное, все разрушено, там вражья метла, видно, крепко прошлась по лесопункту. Кто его будет ставить на ноги? Это мой долг, моя судьба.

...За высокую производительность труда на лесовывозках Коми-Пермяцкого округа, за самоотверженную работу, за подготовку кадров Эйно Туоми был отмечен благодарностями в приказах, грамотами треста, леспромхоза и подшефного колхоза, грамотой райкома партии и райисполкома. И как законный венец — за два месяца до Победы нарком лесной промышленности СССР наградил его Почетной грамотой Наркомата.

И еще одна радость — в победном году родилась у них с Айли девочка, дали ей имя Сейди. Из-за нее задержались с выездом домой. Как ни упрашивали Эйно остаться, но все же весной 1946 года они выехали на родину.

VI

В Матросах жизнь налаживалась быстро. Домик уцелел, Эйно и Айли снова обживали его, как когда-то.

Работы в лесопункте было много, особенно в мастерских: новых тракторов не ждали, надо было зиму встречать со старыми, а тем требовался основательный ремонт. Туоми предложили идти в мастерские, и он не возражал — болели колени, ломило в пояснице.

Через год его попросили поехать в Питкярантский леспромхоз, помочь там с ремонтом лесовозных автомашин. Командировка эта оказалась долгой.

В то время в лес пришла электрическая пила марки «ВАКОП». Весила она не мало — больше двадцати килограммов. В конце смены у вальщиков дрожали руки, ночью ныли плечи даже у самых могучих лесорубов.

Эйно заинтересовался новой техникой. Часто, когда требовалась его помощь, выезжал он с лесовозами на полянку, с интересом рассматривал передвижную электростанцию, подключение кабелей, обо всем расспрашивал, что-то прикидывал. В перерывах у костра внимательно слушал сетования вальщиков:

— Норма у нас пять кубометров на человека. Скажешь, не много, а попробуй сделай, полазь по снегу с этой гирей...

— Чуть намочил пилу или в соединение снег попал — гудит и ни с места...

— В кабелях путаешься, ходишь, как кот ученый вокруг дуба...

— Это точно, капризная машина, что там говорить. Многие отказываются, переходят на проверенную лучковку. И правильно. Там хоть и попотеешь, да заработаешь...

Подобные разговоры все чаще возникали и в конторе леспромхоза, на собраниях. Производительность в лесу падала, выходили из строя пилы, электростанции.

Эйно вечерами делился своими мыслями с Айли:

— Хочется мне попробовать, понимаешь. Не верю, что техника эта плохая. Просто требуется аккуратность, трезвый расчет...

— Угомонись, подумай о своих болезнях. Снова в снегу по шею, снова весь день на морозе. Тебе детей надо вырастить.

— Электростанцию я разобрал по косточкам, — продолжал Эйно, как бы не замечая слов жены, — пилу изучил, теперь планы рисую, как меньше делать лишних шагов, ведь пила соединяется с электростанцией кабелем, и ты с ней на привязи, понимаешь...

Директор леспромхоза и слушать ничего не стал. В кои веки объявился опытный слесарь в мастерской, ожили стоявшие давненько лесовозы, досрочно на линию вышли, и вдруг нате вам. Эйно пошел к парторгу, тот тоже развел руками. Так продолжалось до марта, до того памятного дня, когда в мастерские, в которых теперь царили уют и чистота, зашел секретарь райкома в сопровождении парторга. Он поговорил с завгаром, слесарями, познакомился с Эйно, а тот возьми да и выложи свою просьбу.

— Вот как получается интересно, — сказал секретарь, — я ведь сюда именно за этим приехал. Хочу понять, почему электропилы стоят, а лесорубы вновь взялись за лучковки. Это, товарищи, шаг назад. Нам надо создать такую бригаду, чтоб всем нос утерла, чтоб потом на ее базе школу передового опыта устроить. Понять директора, конечно, можно, но я думаю, в лесу сейчас важнее, там передовая. Действуй, товарищ Туоми, а с директором я договорюсь.

Эйно решил, что состав бригады не должен превышать четырех человек: бригадир-вальщик, два обрубщика сучьев, а четвертый протаптывает дороги в снегу и сжигает отходы. Два дня прошли в суете, а на третий уже дали норму. Станция работала четко, пилу и соединения Эйно держал сухими, оберегал от снега.

Постепенно сработались, научились понимать друг друга с полуслова. Эйно продумывал каждый шаг, ни единого лишнего движения не делал с тяжелой пилой,

перекуры стали короткими, да и количество их уменьшилось. Через десять дней вышли на сто двадцать процентов. На этом показателе и держались до конца зимы. Летом заготовки продолжались, ревели на дорогах мощные лесовозы. Лишь на несколько дней бригада Туоми снизила выработку — переходила на новую делянку. И снова на доске показателей у конторы леспромхоза в первой строке появилась фамилия Туоми. Бригада заготовила семьдесят кубометров за смену!

Вскоре бригада Туоми и впрямь стала школой передового опыта — почти каждый день у них были стажеры, ученики. За три года в бригаде было подготовлено более пятидесяти электропильщиков.

Уровень заготовок в бригаде Туоми неуклонно возрастал, а когда пришли облегченные пилы К-5, Эйно далеко обогнал все бригады леспромхоза.

В мае 1949 года ему вручили Почетную грамоту за подписью О. В. Куусинена. В торжественной тишине зала четко звучали слова: «Туоми Эйно Вилхович, Президиум Верховного Совета Карело-Финской ССР за образцовую стахановскую работу и инициативу по внедрению в лесную промышленность республики электропил награждает вас Почетной грамотой».

В 1950 году в семье Туоми было две больших радости: родилась третья дочка — Эдна, а в октябре бригада Эйно догнала прославленный коллектив А. П. Готчиева — стала заготавливать по сто десять кубометров леса в день.

Жилось в Приладожье хорошо, но все же тянуло в Матросы. В 1954 году вернулись в родной поселок — домой. Эйно снова стал работать слесарем в мастерских, снова вокруг были старые друзья. Собирались всей семьей в отпуск, и вдруг — новость. Ранним воскресным утром в окошко постучал сосед Арво Санкари:

— Эйно! Айли! Вы меня слышите? Большое событие! Вот свежая газета, читайте!

Айли, девочки, пившие на кухне парное молоко, облепили отца, смотрели недоуменно на его побледневшее лицо, на дрожавшую в руках газету. Там был напечатан. Указ о награждении Эйно Вилховича Туоми высшей наградой Родины — орденом Ленина.

* * *

...В пионерской комнате 27-й Петрозаводской школы нет ни одного свободного места. Инга сидит за первым столом, и ей хорошо видно, как дедушка то и дело поправляет очки, покусывает бледные, пересохшие губы.

Эйно Вилхович Туоми у пионеров 27-й школы г. Петрозаводска.
22 апреля 1982 г.

— Я сказал Инге, что человек всегда должен держать свое слово, и вот я выполняю свое обещание, — начал Эйно Вилхович. — Выполняю его с радостью, потому что мы собрались с вами, ребята, в чудесный день. Сегодня день рождения Владимира Ильича Ленина, нашего родного Ильича, вождя мирового пролетариата. Все, что мы делаем, мы делаем по его заветам: трудимся на благо народа, боремся за мир, хотим, чтобы день завтрашний был лучше, чем день сегодняшней.

Мы живем в единой семье советских народов, живем как братья, помогая друг другу. Живем дружно, как пальцы на стальной рабочей руке, которую никто не согнет, которой никакие трудности не страшны.

У каждого человека есть Родина. Я родился в США, вырос в Канаде. Но эти страны не стали для меня родиной. Они были для моего отца, для меня, рабочего человека, злой, угрюмой мачехой.

В детстве далеко от России я услышал имя Ленина, а повзрослев, я познакомился с его книгами, с его учением. Я был не одинок, многие мои сверстники, как и я, выбрали путь борьбы за счастье всех рабочих людей на земле. Я всегда был благодарен моему отцу, стойкому коммунисту, который раскрыл мне глаза на правду, который воспитал своих детей марксистами-ленинцами.

Два моих брата стали известными деятелями Компартии и профсоюзов Канады, младшая сестра — активистка движения сторонников мира. Они были у нас в Москве, мы встречались, вспоминали прошлое, думали о будущем. В 1957 году в Советский Союз приезжал мой отец. Я сказал ему:

— Всю жизнь я шел по честной дороге, которую ты мне указал. Спасибо, отец, что ты мне первым рассказал о стране Ленина. Я горжусь, что стал ее сыном. Я делал все, чтобы быть достойным ее.

Да, у каждого человека есть Родина-мать. У каждого человека есть звездный час — лучший час, день, месяц, год его жизни. Для меня таким годом стал 1933-й.

Что же произошло тогда в моей жизни? Однажды погожим майским утром меня, тракториста Матросского механизированного лесопункта, направили в Петрозаводск в распоряжение треста «Карелгранит».

И вот в Петрозаводске мне говорят:

— Товарищ Туоми, будете вместе с нами на своем тракторе строить памятник Ленину в центре столицы Карелии...

Это была большая честь, большая ответственность. Трактор «Коммунар-50», на котором мы возили санные поезда с лесом, был первым советским гусеничным трактором знаменитого Кировского завода. В тот год их было всего четыре в нашем лесном крае.

Серый гранит отыскивали на острове Гольцы в Онежском озере, он понравился автору памятника ленинградскому скульптору Манизеру, и горняки стали добывать гранитные блоки. Вес некоторых, особенно тех, что шли на пьедестал, превышал десять тонн. Сам памятник тесали лучшие каменотесы под руководством знаменитого мастера Хохлова.

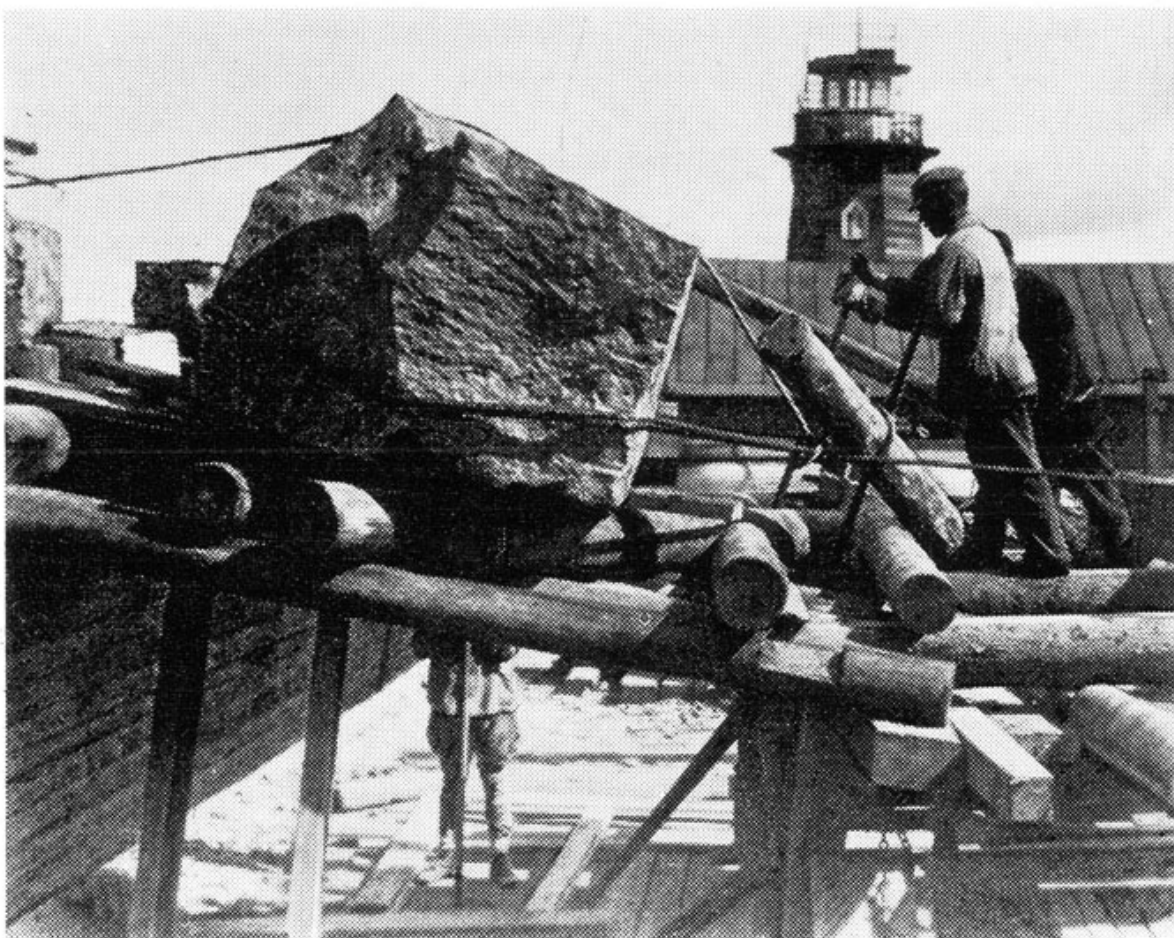
На строительной площадке слышалась русская, финская, карельская речь, но все мы отлично понимали друг друга.

Руководил строительством, сборкой деталей памятника лично сам Матвей Генрихович Манизер, впоследствии народный художник СССР, лауреат многих премий, академик.

Моя задача состояла в том, чтобы возить тяжелые гранитные блоки из порта на площадь 25 Октября — так тогда называлась площадь Ленина.

Туда, где сейчас находится пассажирская пристань, подошла баржа. С нее с огромным трудом ручной лебедкой глыбу величиной выше человеческого роста

стянули на берег. Из толстых бревен, выловленных тут же у берега, соорудили сани, на них уложили глыбу, зацепили сани тросом, и я тронул. Ехал осторожно, не спеша, все время косил глазом назад — как там необычный груз. Маршрут был проложен таким образом: Онежская набережная, затем поворот на проспект Ленина, подъем вверх, поворот налево, на улицу Комсомольскую и въезд на площадь. Я прошел этот маршрут пешком несколько раз, посмотрел подъемы, повороты. Проспект Ленина тогда был выложен булыжниками, и был он не таким ровным и широким, как сегодня.

Выгрузка гранитных блоков для памятника В. И. Ленину

Уже на набережной начались осложнения — полозья саней от сильного трения задымились. Пришлось

останавливаться и раз и два. А когда я повернул на проспект, сани вообще чуть не загорелись. Я останавливался, мы поливали полозья водой, и снова вперед. Так длилось весь день, а до площади было еще далеко. Полозья стирались, таяли на глазах, а к концу следующего дня могучие бревна превратились буквально в тонкие лыжи.

Очень трудно было на подъемах — трактор буксовал, становился на дыбы. Нужно было что-то придумать. Решение пришло само собой — сани должны ехать по каткам. Мне дали четырех помощников, мы на берегу озера собрали тонкомер, баланс, и помощники мои стали подкладывать двухметровые бревна под полозья. Трактор проедет немного, остановится, бревна-катки соберут позади саней, уложат перед полозьями, я проеду снова пять-десять метров, и снова остановка. И так весь день.

На улице собирались целые толпы, многие впервые видели трактор. Вначале никак нельзя было отбиться от детей. Народ этот, по себе знаете, любопытный, а тут такое дело — трактор, машина! Кто гусеницу норовит потрогать, кто за бензобак схватится. Что делать? Остановил я своего «коня» и команду:

— Залазь, ребята, кто куда желает! Полчаса хватит?

— Хватит!

Сколько было счастья, сколько радости! Может быть, кто-то из них в тот день выбрал свой путь в жизни — стал механизатором. И так же, как и я, не пожалел об этом.

Работали мы не считаясь со временем. Блоки, которые я привозил на площадь, сразу же шли в дело — каменотесы готовили из них детали пьедестала.

Многие детали памятника были уже завершены. Самую тонкую работу выполнял каменотес Римпиля. Он, бывало, шутил:

— Вот ты, Эйно, у нас работаешь как великан — за день двенадцать тонн в памятник вкладываешь, а я за это время снимаю с него всего горсть гранитных крошек, могу унести свою работу в одном кармане.

Римпиля был у нас как ювелир, он подправлял, доводил детали, его резец последним касался памятника. Я часто видел, как его хвалил Манизер.

Гранитные блоки с Гольцов все поступали и поступали на пристань. Я работал на перевозке гранита почти целый месяц. Тем временем стали готовиться к укладке пьедестала.

Вскоре начался монтаж. Построили леса, зарокотали лебедки. И вот над старинной площадью поднялся во всю свою одиннадцатиметровую высоту гранитный Ленин. Мы, строители, увидели его во всей величественной красе первыми.

Торжественное открытие памятника В. И. Ленину в Петрозаводске.
7 ноября 1933 г.

Построен памятник волей нашего народа, самим народом. На строительство его, по давней народной традиции, во всех уголках Карелии собирали деньги. Собирали их, кстати, и школьники. Ходили они обычно по трое. Один носил металлическую кружку-копилку, другой — небольшие фотографии проекта памятника. Тому, кто дарил деньги, третий прикалывал на грудь фотографию, как своеобразный значок. Школьники не просили — люди сами останавливали их и давали деньги, кто сколько мог: кто пятак, кто рубль. В те дни по городу гордо ходили сотни людей, и на груди у них белела фотография памятника Ильичу. Все хотели

принять участие в таком всенародном деле, все хотели, чтобы Карелия, чтобы город наш жил с Лениным!

Памятник Ильичу был торжественно открыт 7 ноября 1933 года. С того памятного дня прошло полвека. Но то историческое для нас, петрозаводчан, лето я вижу как сегодня. То были самые счастливые дни моей жизни.

Об издании

Анатолий Алексеевич Гордиенко
ЗДЕСЬ МОЙ ДОМ
Документальная повесть

Редактор В. И. Яшков
Художник С. Л. Чиненов
Художественный редактор Л. Н. Дегтярев
Технический редактор Э. С. Иванова
Корректор Т. Н. Казакова

Сдано в набор 10.01.83. Подписано в печать 23.02.83.
Тираж 3000 экз. Цена 10 коп.
Издательство «Карелия».

Анатолий Алексеевич Гордиенко
ЗДЕСЬ МОЙ ДОМ
Документальная повесть

Редактор В. И. Яшков
Художник С. Л. Чиненов
Художественный редактор Л. Н. Дегтярев
Технический редактор Э. С. Иванова
Корректор Т. Н. Казакова

ИБ № 1229

Сдано в набор 10.01.83. Подписано в печать 23.02.83. Е-03083. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,8. Усл. кр.-отг. 3,06. Уч.-изд. л. 2,86. Тираж 3000 экз. Заказ 149. Изд. № 56. Цена 10 коп.

Издательство «Карелия». 185610, Петрозаводск, пл. В. И. Ленина, 1. Республиканская ордена «Знак Почета» типография им. Анохина Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 185630, Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

notes

Примечания

1

Укки — дедушка (финск.).

Лахтарь — мясник (*финск.*), презрительное прозвище финских белогвардейцев, потопивших в крови рабочую революцию в Финляндии.

3

Фестметр — мера объема древесины, принятая на лесозаготовках в 20—30-е годы и соответствующая нынешнему плотному кубометру. Далее всюду в тексте — кубометр.

4

Пою — сынок (*финск.*).